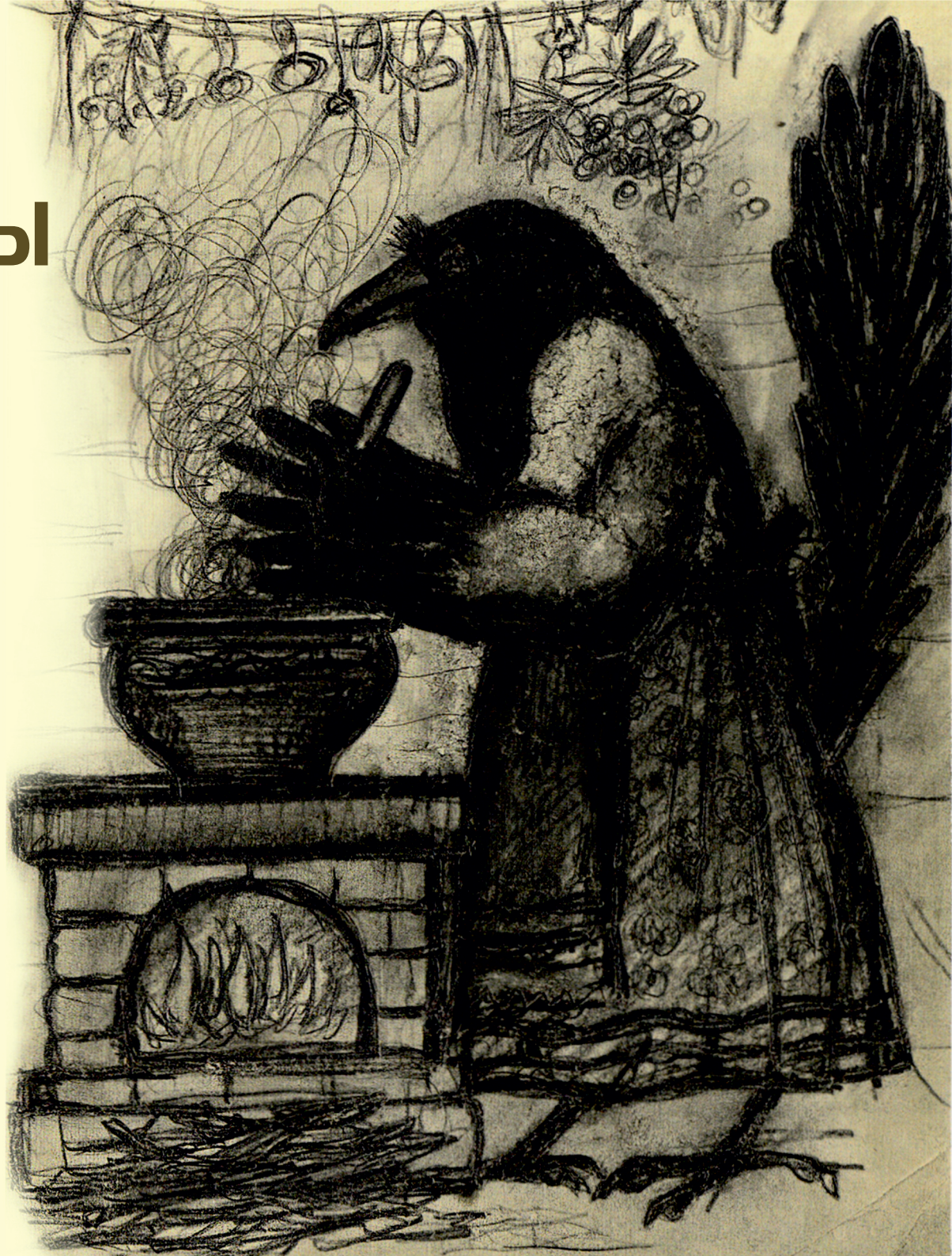
Иллюстраторы детской книги

Биобиблиографический указатель
Выпуск 2

Юрий Васнецов

Ульяновск, 2022

Иллюстраторы детской книги
Биобиблиографический указатель
Выпуск 2
Юрий Васнецов

Составитель и редактор: В.А. Савин
Ответственный за выпуск: Н.В. Неверова
Дизайнер: Т.О. Филатова

ОГБУК «Ульяновская областная библиотека для детей и юношества имени С.Т. Аксакова»

432017, г. Ульяновск, ул. Минаева, 48.
Телефон: 58-75-05
E-mail: uobdu@yandex.ru
Сайт библиотеки: www.aksakovka.ru

Иллюстраторы детской книги. Биобиблиографический указатель. Выпуск 2. Юрий Васнецов / сост. В.А. Савин. – Ульяновская областная библиотека для детей и юношества имени С.Т. Аксакова. – Ульяновск, 2022. – 70 с.

ВЯТЧАНИН

Юрий Васнецов родился 22 марта (4 апреля) 1900 года в Вятке (ныне — Киров) в семье дьякона Алексея Михайловича Васнецова и его жены Марии Николаевны, урождённой Добрыниной. Среди шестерых детей Юрий шёл четвёртым по старшинству.

Род Васнецовых на вятской земле имеет глубокие корни. Впервые фамилия упоминается в губернских документах в 1628 году, а непрерывная линия рода прослеживается от Дмитрия Игнатьевича Васнецова, дьячка села Ошеть. В настоящее время село является историко-культурным заповедником и входит в так называемое «Васнецовское кольцо» вятских сёл. Юрий Васнецов наследует по мужской линии старшему сыну Дмитрия Игнатьевича, Афанасию, тогда как прямыми потомками другого сына, Иосифа, были выдающиеся живописцы Виктор и Аполлинарий Васнецовы. Интересно, что Юрий Алексеевич всю жизнь отрицал родство с «другими Васнецовыми». По меткому выражению художника Льва Токмакова, «это у него было детское — он не хотел, чтобы его помещали в тень больших деревьев».

В начале XX века Вятка оставалась глубоко провинциальным городом тысяч на тридцать человек, с немощёными улицами, по которым ходили впотьмах с керосинками наперевес. Но без «дремучей» Вятки не было бы уникального художника Юрия Васнецова.

Ещё мальчишкой он часто бывал в Свято-Троицком кафедральном соборе, помогая отцу в отправлении службы. Посещал он и главную достопримечательность города — огромный, пятидесятиметровой высоты, Александро-Невский собор, возведённый по проекту архитектора Александра Витберга. Расположенный на возвышенности, колоссально выглядевший в малоэтажной Вятке, Александро-Невский собор так и притягивал взоры. По субботам и воскресеньям прилегающая к нему площадь становилась базарной.

Где-где, а на базарах и ярмарках жизнь кипела. В Вятке процветали местные промыслы: из обыкновенных материалов (дерева, соломы, камня, кости, шерсти и других) вятчане делали всякие вещи на обмен и продажу — и нужные в хозяйстве, и просто радующие глаз. Подсматривая что-то у базарных умельцев, любознательный и сноровистый Юра Васнецов «самоуком» осваивал различные ремёсла. Много позже всевозможная утварь и безделушки стали предметами его живописи. По словам художника Мая Митурича, «своим талантом Васнецов реабилитирует даже презренные базарные поделки, и эти гадкие утята кустарной продукции становятся в его натюрмортах тем, чем они мечтали быть».

Особенное впечатление на мальчика производила знаменитая Свистунья — весенняя ярмарка игрушек, проходившая у кафедрального собора, прямо под окнами васнецовского дома. Среди невиданного многообразия там была представлена и глиняная дымковская игрушка. Васнецов очень любил её и собирал всю жизнь. Посещая Вятку в 20-е и 30-е годы, художник непременно наведывался в Дымковскую слободу,

бывал у старейшей мастерицы — Анны Мезриной. К сожалению, прекрасная коллекция, собранная Васнецовым, почти полностью погибла в блокадном Ленинграде. Однако и после Великой Отечественной войны Юрий Алексеевич не оставил своё увлечение, заказывая игрушки другой прославленной мастерице, Екатерине Косс-Деньшиной.

Помимо прочего, Васнецов был обязан Вятке дружбой с Евгением Чарушиным, младшим товарищем по 1-й мужской гимназии, впоследствии — выдающимся иллюстратором-анималистом. Его отец, губернский архитектор Иван Чарушин, был человеком высокой культуры; именно Иван Аполлонович убедил гимназиста Васнецова заняться живописью профессионально.

К тому были все предпосылки: мальчику нравилось расписывать печи, ставни и вообще всё, до чего рука дотянется. На стенах своей комнаты он изобразил четыре времени суток; даже печная труба не осталась без украшения: Юрий обернул её корой, приладил сучья и посадил туда птичье чучело. Васнецов оформлял гимназические вечера, рисовал плакаты и афиши, расписывал афишные тумбы — словом, брался за любую работу, если требовалось что-либо преобразить и расцветить. Вовлечённый в творческую среду и ободрённый Чарушиными, Юрий решил продолжить обучение в Петербургской Академии художеств. Но эти планы расстроили Октябрьская революция и гражданская война.

В апреле 1919 года Васнецов был мобилизован в Красную Армию. Как человек грамотный, он полгода исполнял обязанности регистратора-переписчика. Томимый скукой канцелярских будней, Юрий подал рапорт о переводе на другую работу, и в начале 1920 года его назначили заведующим декоративной мастерской при губернском военкомате. О живописных работах армейского периода ничего не известно; вполне вероятно, Васнецов не писал вовсе. Отдушиной служило лишь преподавание изобразительных искусств в школе села Верхошижемье.

Тем временем дела семейные обстояли неладно. Сразу после революции Алексея Михайловича Васнецова вместе с женой и детьми выселили из дома при Свято-Троицком кафедральном соборе. Семейных сбережений кое-как хватило на приобретение маленького домика. Родные нуждались в Юрии, но и удерживать его в Вятке не могли. Он и сам долго сомневался, но всё же после демобилизации летом 1921 года выхлопотал командировку в Петроград. И уехал за давней мечтой — поступать в Академию художеств.

Семья Васнецовых. 1900-е годы

Свято-Троицкий Кафедральный собор в Вятке. Снесён в 1931 году

Дымковская игрушка. Мастер А.А. Мезрина

Евгений Чарушин (в центре) и Юрий Васнецов (справа) - гимназисты (1910-е г.)

ВЕЧНЫЙ СТУДЕНТ

От Академии в привычном понимании к тому времени мало что осталось: после революции на её базе открылись Петроградские государственные свободные художественно-учебные мастерские (ПГСХУМ), в 1921 году реорганизованные в знаменитый ВХУТЕМАС, далее — ВХУТЕИН (Высший художественно-технический институт). Привычная структура Академии была практически упразднена, а учебный процесс — децентрализован: студенты получили возможность посещать занятия по собственному усмотрению, выбирая между такими прославленными и притом в корне несогласными друг с другом мастерами, как Кузьма Петров-Водкин, Казимир Малевич, Павел Филонов и Владимир Татлин. «Не было единой школы и единой программы. Каждый преподаватель учил по-своему, как хотел», — вспоминал Валентин Курдов, замечательный иллюстратор и друг Васнецова. Вероятно, именно состояние анархии, в котором пребывало учебное заведение, — вкупе с рекомендательным письмом выпускника Академии Ивана Чарушина — помогло зачислению Васнецова, провалившего экзамены по тригонометрии и геометрии.

Конечно, свободные мастерские не могли дать новоиспечённому студенту ни твёрдых эстетических ориентиров, ни подлинно профессиональной школы (к примеру, техникой академического рисования он так и не овладел). Важно было другое: двери Русского музея и Эрмитажа открылись для него, а современным русским искусством он буквально дышал. Среди наиболее интересных Васнецову фигур можно отметить Михаила Врубеля, Мартироса Сарьяна, Филиппа Малявина, художников объединения «Бубновый валет» (Петра Кончаловского, Михаила Ларионова, Наталью Гончарову и других), а также французских импрессионистов (прежде всего Поля Сезанна).

Любимых мастеров Васнецова объединяло пристрастие к глубокому, мощному, насыщенному цвету, материальной плотности изображения. И как же этот яркий мир изобразительного искусства контрастировал с бытом, в который Юрий погрузился!

Петроград начала 20-х был суров: голод и холод грозили довести до отчаяния любого, даже самого жизнерадостного и сильного человека. Спасало чувство локтя. Валентин Курдов вспоминал: «На Литейном дворе жила вся наша академическая братия. Мы — студенты, наши учителя, академические профессора-преподаватели… и прочий люд. Жили… товарищеской жизнью коммуны. Все одинаково мёрзли у печек, в которых шипели, плевались и не горели мокрые, обледенелые дрова. Одинаково все получали тюлений жир и варили твёрдую, как кость, картошку». Васнецова неоднократно выручали в нужде земляки. Близкие, почти родственные отношения с гимназическим товарищем Евгением Чарушиным и Валентином Курдовым — пермяком, а потому тоже «своим» — сохранились на всю жизнь.

Летом 1926 года, из любопытства и желания что-то сделать

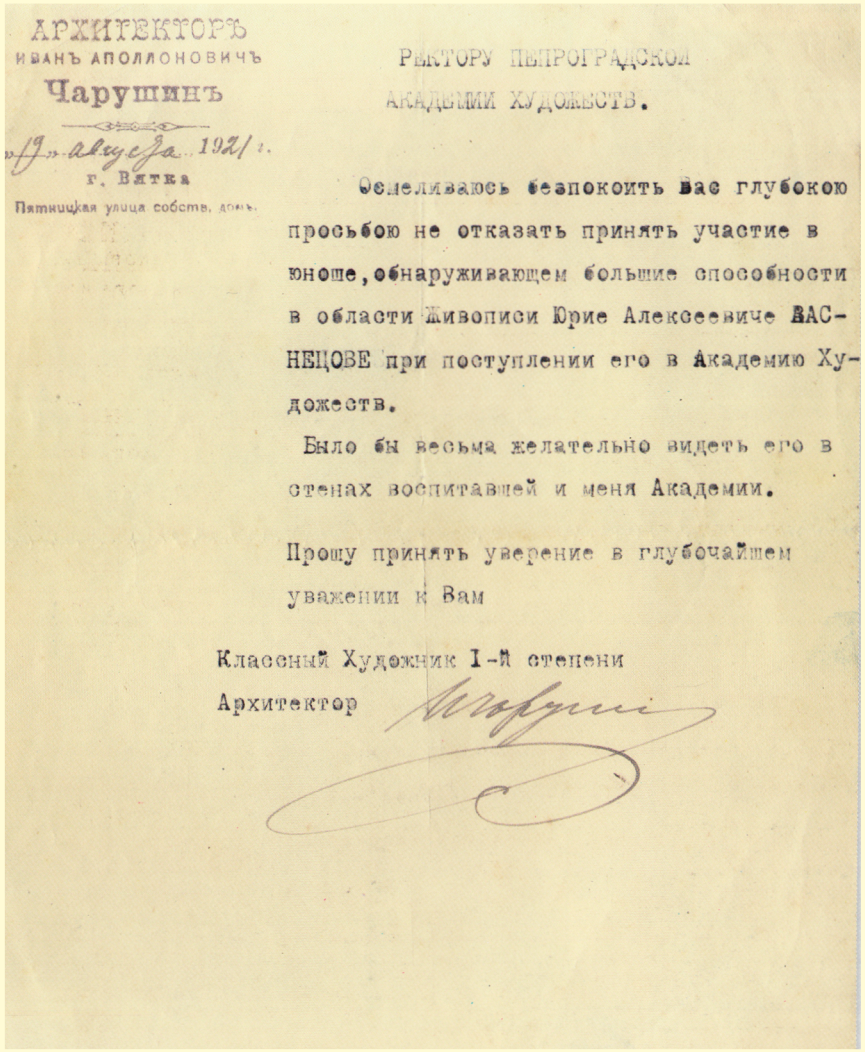
для родного города, Васнецов и Чарушин попробовали себя в скульптуре. Они изготовили бетонный барельеф «Освобождённый труд» для здания Вятского губернского совета профсоюзов. Барельеф изображает рабочего и крестьянина с молотом и серпом соответственно. Не имея возможности нанять натурщиков, скульпторы-энтузиасты скопировали героев с себя. Было в этом немало иронии: Чарушин (дворянского происхождения) послужил прототипом рабочего, Васнецов (из духовного сословия) — крестьянина. Однако работу приняли. Барельеф и поныне украшает здание — теперь в нём располагается Вятская гуманитарная гимназия.

В том же году Юрий Васнецов окончил ВХУТЕИН, после чего поступил в Ленинградский государственный институт художественной культуры (ГИНХУК). В отделе живописной культуры обучение велось по системе и под руководством Казимира Малевича, мэтра русского кубизма. Среди молодых художников того времени кубизм рассматривался как новая школа искусства, пришедшая на смену академической, и Васнецов, заинтересованный проблемой изображения материальных свойств предмета — веса, формы, фактуры, — начал учёбу с энтузиазмом.

Усвоив уроки Малевича, Васнецов, тем не менее, к кубизму не примкнул. Объединения и кружки претили ему в принципе. Такой самостоятельности, способности преодолевать любые эстетические влияния отдавал должное художник Василий Власов: «Уже начиная с конца 20-х годов, у Васнецова появляются холсты большой зрелости, в которых мы видим живописца с ясно выраженными индивидуальными качествами. Его видение цвета простое, суровое и ясное... В его рыбаках и натюрмортах с рыбами есть та найденная точность и категоричность цветовых определений, которые воспринимаются как обязательные и единственно возможные… Цвет называет предмет: положенный свободно и открыто, он материален».

Колористические находки Васнецова прекрасно иллюстрируют поговорку «голь на выдумку хитра». Он был неприхотлив: мог писать малярными красками и обычной «школьной» акварелью на фанере, клеёнке, картоне и любой бумаге. Так, один из натюрмортов, упомянутых Власовым, — «Салака» (1931) — сделан на клеёнке, чья переливчатость сообщила изображению рыб предметную достоверность. Сопротивление заведомо «некачественных» материалов лишь подзадоривало его, делая задачу труднее, но интереснее. С другой стороны, выбор «экстремальных» техник пагубно сказался на сохранности многих васнецовских работ.

Итак, к началу 30-х годов Васнецов сложился как вполне самостоятельный мастер, и всё же подспудное недовольство собой заставило его вернуться в альма-матер (в то время известную уже как Институт живописи, скульптуры и архитектуры). В 1932 году он продолжил обучение в аспирантуре под руководством Владимира Лебедева — выдающегося живописца и графика, стоявшего у истоков такого явления, как советская иллюстрированная книга для детей.

АРХИТЕКТОРЪ
ИВАНЪ АПОЛЛОНОВИЧЪ
Чарушинъ
«9» августа 1921 г.
г. Вятка
Пятницкая улица собств. домъ.

Ректору Петроградской
Академии Художеств.

Осмеливаюсь безпокоить Вас глубокою просьбою не отказать принять участие в юноше, обнаруживающем большие способности в области Живописи Юрие Алексеевиче ВАСНЕЦОВЕ при поступлении его в Академию Художеств.

Было бы весьма желательно видеть его в стенах воспитавшей и меня Академии.

Прошу принять уверение в глубочайшем уважении к Вам

Классный Художник I-й степени
Архитектор

Рекомендация главного архитектора Вятки И.А. Чарушина, данная Юрию Васнецову для поступления в Академию художеств

Васнецов и Е. Чарушин работают над барельефом «Освобождённый труд». 1926

Рыбак на фоне моря (1930). Холст, масло

Салака. Карелия (1930). Клеёнка, масло

ПОД КРЫЛОМ ЛЕБЕДЕВА

Знакомство состоялось ещё в 1926 году. Васнецов и его друзья, только что окончившие ВХУТЕИН, искали применения своим способностям. Хотелось зарабатывать на жизнь творчеством. Обдумав различные варианты, молодые люди решили попробовать себя в иллюстрации. Привлекала фигура Владимира Лебедева — одного из передовых живописцев и графиков 20-х годов. Как художественный редактор Детского отдела Госиздата, он сформулировал и теоретически обосновал принципы построения современной детской книги. Работа у Лебедева представлялась отличной школой, и вокруг его фигуры объединилась целая группа молодых талантливых художников. И если Курдов с Чарушиным влились сразу, то Васнецов, как это часто бывало с ним в академические годы, от товарищей несколько отстал. У Курдова вышло уже пять книг, у Чарушина — около десятка, в то время как Васнецов возился с дебютной. И кто бы мог подумать, что именно мучительно искавший себя, долго запрягавший Васнецов вскоре станет любимым учеником и ближайшим другом Лебедева.

Валентин Курдов писал об их отношениях: «Эти разные и даже противоположные люди оказались связанными на всю жизнь. Холодный Лебедев полюбил Васнецова-художника… Отношения их не были равными… Лебедев поработил мягкого Юру, сделал из него своего послушника. До старости Васнецов носил на одобрение своему учителю рисунки и книжки. Лебедев ревниво следил за всеми действиями своего подопечного и в последние годы жизни общался только с Васнецовым. Таким был союз двух несовместимостей».

С «благословения» Лебедева Васнецов прошёл школу кубизма, под его началом определился в творческих исканиях, отточил индивидуальный стиль и освоился в роли книжного иллюстратора, постепенно став в один ряд со своим учителем. Именно в вятчанине, выросшем в колыбели народных промыслов, Лебедев увидел главного наследника своих идей. Он стремился создать новые художественные формы, переосмыслив русские примитивно-лубочные изобразительные традиции в контексте современного искусства. И Васнецов эти идеи реализовал как никто другой.

В аспирантуре Васнецов провёл большую научно-исследовательскую работу, изучив все виды русского декоративно-прикладного искусства: росписи, орнаменты, набойки, резьбу, вывески и т.д. Посещая этнографический отдел Русского музея, Юрий Алексеевич с особым вниманием изучал стилевые особенности, отличающие вятскую роспись домашней утвари и игрушек от росписей других краевых городов. На практике он учился построению композиции на плоскости и цветовой организации изображения.

Полученные знания помогли Васнецову раскрыть глубинные основы своего дарования. Эмоционально воспринятая в детстве и осмысленная в зрелости, народная эстетика органично соединилась у Васнецова с профессиональным мастерством. Он не стал слепым подражателем-ремесленником, но

окончательно утвердился как уникальный и неповторимый художник.

В мае 1934 года Васнецов оставил аспирантуру и женился на Галине Михайловне Пинаевой, которая родила ему двух дочерей: в 1937 году на свет появилась Елизавета (впоследствии также ставшая художником и иллюстратором детской книги), в 1939 — Наталья. Помещение, переоборудованное молодой семьёй в их новую квартиру, некогда служило мастерской известному художнику-мирискуснику Константину Сомову. Васнецов здесь и жил, и писал; полноценная же мастерская появилась у него лишь на склоне лет. Работая камерно, Юрий Алексеевич не участвовал в выставках и до войны был совершенно неизвестен как живописец. Главным делом его жизни постепенно становилось иллюстрирование книг для детей.

В.В. Лебедев. 1946

Е.И. Чарушин, Ю.А. Васнецов, В.И. Курдов. 1944 или 1945

А.М. Васнецов, Галина Васнецова, Лиза и Наташа (1940)

Галина и Юрий Васнецовы. 1930-е годы

ФОРМИРОВАНИЕ СТИЛЯ

Первым произведением, которое проиллюстрировал Васнецов, стал рассказ известного анималиста Виталия Бианки «Карабаш». Книга вышла в 1929 году. Придерживаясь документальной точности в изображении жизни животных, Бианки требовал того же и от иллюстратора. Этого Васнецов дать не мог — ему даже пришлось прибегнуть к помощи Чарушина и Курдова, заядлых охотников. Обложка книги, стилизованная под детскую аппликацию, диссонировала с внутренними иллюстрациями, выполненными в духе Лебедева. Дебют был сочтён неудачным, и Васнецов обратился к методологически близкой ему поэзии Даниила Хармса — к стихотворению «О том, как папа застрелил мне хорька»:

Как-то вечером домой
Возвращался папа мой.
Возвращался папа мой
Поздно по полю домой.

Папа смотрит и глядит —
На земле хорёк сидит.
На земле хорёк сидит
И на папу не глядит.

Чтобы стихотворение «работало», Хармс попытался воспроизвести манеру речи и интонацию ребёнка. Васнецов же, руководствуясь лебедевским принципом оформления издания как единого целого, подкрепил «детский» текст плоскостными изображениями. Так мог бы нарисовать ребёнок, способный достоверно передать очертания предмета, но ещё не знакомый с понятиями объёма, пропорции и перспективы. Приём проявился у Васнецова неслучайно: в это время он преподавал изобразительное искусство в ленинградской школе №33 и испытывал очевидный интерес к детскому рисунку. В целом, «Хорёк» сладился и был принят довольно тепло, но сенсации не произвёл. Поиски художника продолжались.

Летом 1930 года Васнецов гостил у старшего брата Михаила на Ярославщине. Вместе они бродили по окрестностям и рисовали. Однажды подвернувшееся на пути маленькое лесное болотце так поразило Юрия Алексеевича, что он тут же взялся за карандаш. Не желая терять связи с натурой, художник нарвал мха и травы, наловил лягушек, жучков, паучков, улиток, стрекоз и прочей живности. Притащив всё это добро домой, он распустил мелочь по банкам с водой, обустроил лягушкам жильё между оконными рамами. Изумлённые «детской» выходкой, родные потешались над ним, а он работал вдохновеннее, чем когда-либо: рисовал птиц с чучел и к болотцу тому ещё не раз ходил.

Вернувшись в Ленинград, Васнецов не оставил своей затеи. Рисунки постепенно образовывали некое единство. Подчиняясь едва уловимым законам этого единства, художник постоянно что-то переизобретал: отрезал и подклеивал,

рисовал слоями — прямо по сделанному или на заплатах, комбинировал в самых неожиданных сочетаниях техники, используя краски — масляные и акварельные, цветные карандаши, пастель, гуашь…

Замусоленные, истерзанные в кипучей работе листы, мешанина красок и фактур чуть ли не буквально явили миру болото. Подлинность изображённого не вызывала сомнений. Василий Власов, по собственным словам, почувствовал в этих полотнах «очарование, которое завораживает, как мифическая музыка, как стихи подлинных поэтов». Тогда Васнецов решился показать «болотные» рисунки Лебедеву, скомпоновав их подобно иллюстрациям к книге. Вот только какой? Текста не было. А работы Лебедеву понравились. Решили пойти обратным путём: Виталий Бианки сочинил текст к рисункам. Назвали книжку просто — «Болото».

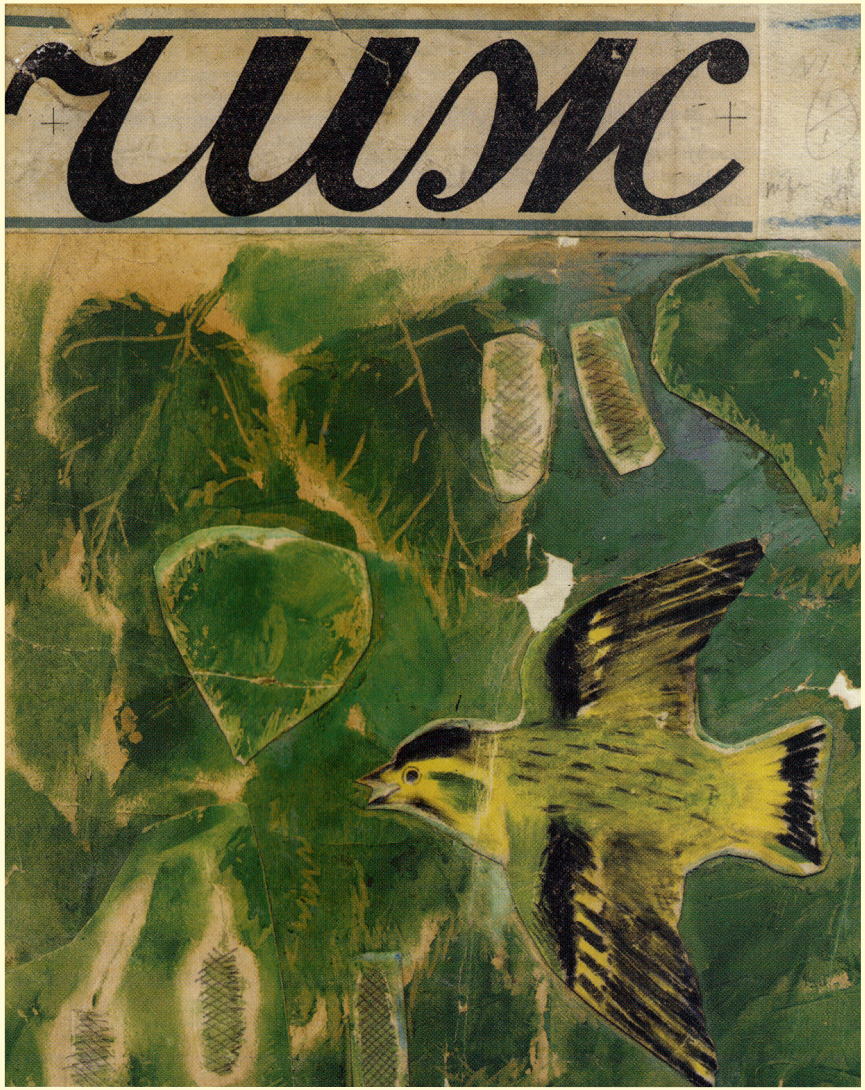
Первичность иллюстраций в ней неоспорима. Наконец-то Васнецову удалось развернуться во всю мощь, не оглядываясь на диктат текста. Подобная вольность была его дарованию жизненно необходима. Впоследствии художника часто третировали за «отсебятину» и искажение смыслов, и всё же была в таком подходе к делу высшая правда искусства.

В середине 30-х годов Васнецов раскрылся как иллюстратор сказок. В 1934 году вышла «Путаница» Корнея Чуковского, в 1935 — «Алёнушкины сказки» Дмитрия Мамина-Сибиряка, «Три медведя» Льва Толстого и «Конёк-горбунок» Петра Ершова, в 1936 — «Краденое солнце» Чуковского.

Последовавшая за «Болотом» «Путаница» буквально шокировала своей экспрессией. Творящийся в сказке хаос преломился в тревожных цветах: огненно- и кроваво-красном, мутно-зелёном, — а также в сложных отношениях чёрного и белого, которые то резко контрастируют, взрывая друг друга изнутри, то смешиваются в сером, напоминая о пепле и золе. Рисунки будто бы лихорадочны, но на поверку очевидна тонкая работа художника над каждым фрагментом, а «детские шалости» в виде лисят, котят и поросят уравновешиваются фотографически точными силуэтами крокодила и рыб.

В этот период Васнецов нащупывал образы сказочных животных, которые вскоре закрепятся в его книгах раз и навсегда, обретя фольклорную выверенность и постоянство. Первая находка была сделана во время работы над русской народной сказкой «Три медведя». Здесь ясно обозначилось любовное внимание к миру вещей: изба и всё её убранство выписаны очень тщательно; кряжистые, тяжеловесные мебель, посуда, предметы повседневного обихода и их состояние косвенно характеризуют хозяев. Сами же медведи и их обитель, монументальный лес, поданы грубовато и обобщённо, что подчёркивает животную мощь и притом сообщает образу сказочную таинственность.

Вскоре васнецовские звери — медведь, лиса, волк, заяц, ёж, кот, бык и прочие — узнавались безошибочно. И несмотря на саркастические замечания критиков о «передвижном зверинце», кочующем из книги в книгу, всё новые и новые поколения читателей вспоминают васнецовских персонажей с той же любовью, что и свои детские игрушки.

Обложка журнала «Чиж», №№7-8, 1930. Бумага, темпера, графитный и цветной карандаши, процарапывание, наклейки

Болотная курочка (1930). Рисунок для книги «Болото»

Эскиз иллюстрации к книге «Алёнушкины сказки» (1935)

Л. Толстой. Три медведя. Эскиз (1935)

ПОД ОГНЁМ КРИТИКИ

Новаторская смелость Васнецова была понята многими далеко не сразу. Нелицеприятную запись о «Путанице» оставил в своём дневнике Корней Чуковский, высоко оценивший художника впоследствии: «Иллюстрации делал Васнецов, инфантильный вятич. Некоторые хороши, а две или три — гадостны. Особенно те, которые изображают пожар моря. Это — кишки женщины, у которой разрезан живот. Книжка вызвала возмущение ребят…».

Надо полагать, близкий друг семьи, редактор Детгиза Самуил Алянский имел в виду работы в духе «Путаницы», когда советовал Васнецову: «Избавьтесь, наконец, от вашей тёмной грязи!»

Крайне негативную реакцию официальной критики вызвала работа Васнецова по воссозданию особой атмосферы «Алёнушкиных сказок». Некто А. Девишев, ранее отметившийся нападками на Владимира Лебедева и Владимира Конашевича, писал следующее: «Художник выпячивает второстепенный элемент текста — засыпание Алёнушки... Эмоции страха, кошмара окрашивают почти все рисунки… Ужасом скованы зайцы, как зачарованный, выпуча глаза, сидит на плите кот, опустивший лапу в кипящее молоко, — неподвижность тяжёлого кошмара довлеет над большинством рисунков. Что общего между цветистой, несколько сладковатой радужностью алёнушкиного сна и той атмосферой зловещей, мистической жути, которую создал художник?»

Обвинения совершенно абсурдные. В книге лишь одна откровенно «кошмарная» иллюстрация, на которой зайцы замечают подкравшегося волка, но её драматизм объясним. В некоторых других рисунках чувствуется лишь неопределённая тревога. Полагать её неуместной можно до тех пор, пока не вчитаешься в сами сказки… уловив то и дело возникающие мотивы борьбы за жизнь, нахождения на пороге смерти и умирания. В чём же подоплёка? А в том, что гражданская жена Мамина-Сибиряка умерла при родах, оставив на его попечение тяжелобольную дочь, которая, по прогнозам врачей, не должна была выжить. Выхаживая Алёнушку, Мамин-Сибиряк долго добивался прав на отцовство. И хотя это уже не имеет прямого отношения к делу — Елена Дмитриевна Мамина умерла в возрасте двадцати двух лет от туберкулёза. Знал ли обо всём этом Васнецов? Вряд ли. Однако он уловил подспудно тревожное настроение «Алёнушкиных сказок», сделав иллюстрации… «враждебными тем требованиям, какие предъявляются к детской книге партией и советской общественностью».

В 1936 году журнал «Детская литература», для которого писал свои инвективы Девишев, дал обширную редакционную статью «Против формализма и штампа в иллюстрации к детской книге». Васнецова там основательно «пропесочили», обвинив в идеализации реакционной «народности», болезненной пессимистичности, стремлении оболванивать всё изображаемое и т.п. Помимо «Путаницы» и «Алёнушкиных сказок», досталось и злосчастному «Коньку-Горбунку».

Работа над ершовской сказкой — отдельная глава в творческой биографии Васнецова. Первый, самый интересный, вариант иллюстраций был подготовлен художником в 1933 году — ещё до «Путаницы». Книгу забраковали как формалистскую и не пустили в печать, вынудив детгизовцев счистить оттиски с литографских камней. Для друзей и близких это стало большим разочарованием, а для постоянно сомневающегося в себе Васнецова — серьёзным ударом. Второй и третий варианты (1935 и 1936 годов) были далеки по настроению от текста и в целом не слишком удачными; критик И. Холодовская задалась отчасти справедливым вопросом: «Не стала ли уже для Васнецова трафаретом эта мрачная суровая сказочность?». Четвёртый вариант (1938 года) пришлось делать чёрно-белым, и поскольку выдающимся рисовальщиком Васнецов никогда не был, работа получилась невзрачной. Лишь в 1941 году Васнецов вновь «попал» в сказку, и его «Конёк-Горбунок» наконец получил общее признание. Художнику долго пеняли за введение в изобразительный ряд того, что в самой сказке отсутствовало. Это решение было осмыслено критикой много позже: сатирические мотивы «Горбунка» Васнецов полностью проигнорировал, упирая на небывалое, фантастическое, стремясь передать детское ощущение чуда. Ключ к решению даёт фронтиспис: Горбунок с Иваном летят на грани дня и ночи, как бы открывая стекающимся со всех сторон людям и животным вид на дивное диво — полыханье жар-птиц в потустороннем сиянии месяца. Так «лишние» персонажи становятся свидетелями и соучастниками сказочно-поэтического действа.

Отдельной славы удостоился рисунок «Чудо-юдо рыба-кит» — одна из «визитных карточек» Васнецова. Его варианты, выполненные художником в разные годы, публиковались в детских журналах и выпускались как открытки.

К. Чуковский. Путаница (1934)

Алёнушкины сказки (1935)

П. Ершов. Конёк-Горбунок.
Фронтиспис издания 1941 года

П. Ершов. Конёк-Горбунок.
Иллюстрация к изданию 1936 года

МАСТЕР НА ВСЕ РУКИ

Начав работу в детской книге, Васнецов овладел техникой цветной литографии. Это было необходимо, поскольку офсетная печать тогда ещё не применялась в СССР, и иллюстрации могли быть воспроизведены только литографским способом. Художественный редактор Детгиза Владимир Лебедев настаивал на том, чтобы иллюстраторы досконально изучали технологию книгопечатания. Поэтому его подопечные — в том числе, Васнецов — обычно изготавливали формы для оттисков самостоятельно. Литографов объединила новая мастерская, открывшаяся в 1933 году при Ленинградском отделении Союза советских художников (ЛОСХ). В 1938 году она получила название Экспериментальной полиграфической мастерской ЛОСХ, а также приобрела права на тиражирование автолитографий. Увеличение производственных мощностей и переоснащение мастерской позволило начать выпуск цветных эстампов. Васнецов увлёкся новым делом и создал за три года десять станковых автолитографий — немало, учитывая технологическую сложность и трудоёмкость процесса. Эстамп являлся для художника своеобразным мостом между книжной графикой и станковой живописью.

В середине 30-х годов Васнецов попробовал свои силы в качестве театрального художника. Режиссёр Большого драматического театра (БДТ) Алексей Дикий пригласил его поработать над постановкой пьесы Максима Горького «Мещане». Выбор не был случайным: Васнецов не только зарекомендовал себя как знаток мещанского быта — с этой средой он был органически связан. «Я сделал в «Мещанах» свою квартиру», — признавался Юрий Алексеевич.

Сохранившиеся эскизы декораций и костюмов свидетельствуют о тщательной проработке предметной стороны спектакля. Известный ленинградский график и писатель Борис Семёнов, видевший «Мещан» Дикого и Васнецова, вспоминал: «Какое-то смутное чувство тревоги вызывала отлично задуманная художником желтовато-мглистая подсветка сцены, где, словно рыбины в аквариуме, передвигались действующие лица. И ещё запомнилась угрюмая слоноподобная меблировка — эти уродливые шкапы и стулья, стоячие часы, похожие на чёрный гроб…»

Удачный дебют открыл перед Васнецовым новую стезю. Он получил приглашения из Театра-студии под руководством Сергея Радлова, также известного как Молодой театр, и из Театра юного зрителя, основанного Александром Брянцевым (любопытно, что эмблемой ленинградского ТЮЗа был Конёк-Горбунок — с инсценировки ершовской сказки в 1922 году началась история театра; спустя 11 лет «Конёк-Горбунок» должен был стать первой книгой, проиллюстрированной Васнецовым в узнаваемой и привычной нам манере).

Неизвестно, как сложилась бы театральная карьера Юрия Алексеевича — он предпочёл сосредоточиться на книжной графике и эстампе. Но интерес к его творчеству «со стороны»

не ослабевал.

В начале 40-х годов Васнецов начал сотрудничать на киностудии «Ленфильм». Он подготовил эскизы для цветного рисованного мультфильма «Кошкин дом» по пьесе Самуила Маршака. К сожалению, об этой работе ныне почти ничего не известно, в открытом доступе она отсутствует. Определённое представление о ней можно получить, обратившись к одноимённому мультфильму Леонида Амальрика, также созданному по эскизам Васнецова в 1958 году. Сравнивая кадры фильма с вариантом иллюстраций, вышедшим в 1954 году, нетрудно заметить, что найденные Васнецовым изобразительные решения были воспроизведены коллективом мультипликаторов довольно точно. Примечательно, что над «Кошкиным домом» Амальрика трудились такие крупные мастера, как Татьяна Сазонова, Вячеслав Котёночкин, Борис Дёжкин, Владимир Пекарь, Фёдор Хитрук. Остаётся лишь пожалеть о том, что советская мультипликация к тому времени ещё не вышла из-под влияния диснеевской: рисовка едва ли позволит неосведомлённому зрителю догадаться о причастности Васнецова.

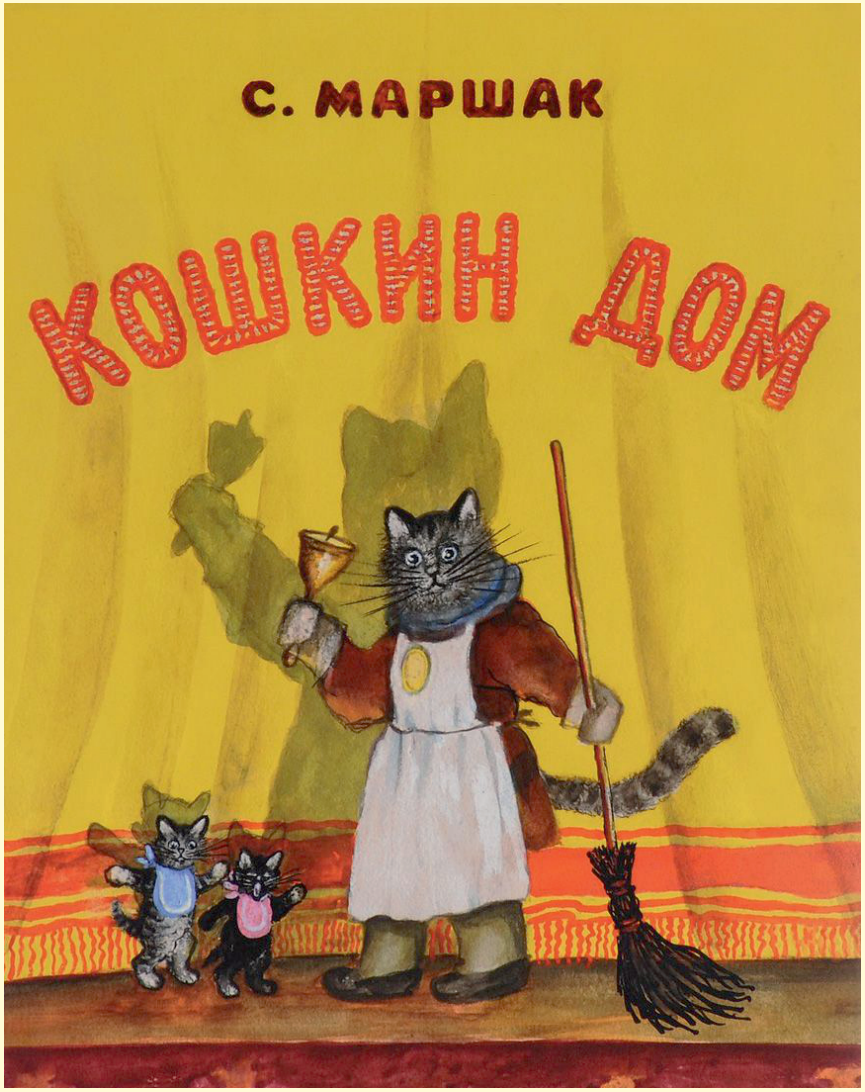
В июне 1941 года художник увлечённо делал эскизы для нового мультфильма «Жар-птица». Но ему не суждено было увидеть свет. Началась Великая Отечественная война.

Эскиз декораций к спектаклю «Мещане» (1936)

Волк и семеро козлят (1939). Цветная литография

Кошкин дом (1954). Фрагмент обложки

Кадр из м-ф «Кошкин дом» (режиссёр Л. Амальрик, 1958)

ВОЕННЫЕ ГОДЫ

27 июня Галина Михайловна Васнецова с дочерьми Лизой и Наташей были эвакуированы в Молотов (ныне — Пермь). Юрий Алексеевич же задержался в Ленинграде до конца года. Летом ему пришлось рыть окопы. Чуждый всяческого насилия и совершенно не приспособленный к условиям военного времени, Васнецов порядком натерпелся страху, возвращаясь с работы, по собственному признанию, «еле живым». Тяжёлый физический труд, бомбёжки, голод, разлука с семьёй расшатали его психику. Валентин Курдов вспоминал: «…Во время очередного налёта на наш Союз [художников] упали зажигательные бомбы. Вдруг всё осветилось ярким неестественным светом бенгальского огня. Я увидел Васнецова… Прижавшись к стене, он держался руками за косяк и в страхе шёпотом повторял слова: «Прилетели жары-птицы, жары-птицы…». Я был поражён, каким необъяснимым чудом возникли в его сознании сравнения со сказочным видением из «Конька-Горбунка».

Усугубила состояние Васнецова последовавшая 30 сентября смерть матери. Только зимой, когда замёрзло Ладожское озеро, Юрий Алексеевич смог покинуть блокадный Ленинград по Дороге жизни и воссоединиться с женой и дочерьми в Молотове. Здесь он вернулся к привычной деятельности: рисовал плакаты и открытки, писал картины для календарей и лирические пейзажи, изготавливал эстампы. В письме к другу, художнику Николаю Кострову, Васнецов сообщал о выполненной им росписи яслей (работа не сохранилась).

Лето 1942 года бросило Васнецову новый вызов. Вместе с труппой кукольного театра Юрий Алексеевич побывал во многих сёлах Молотовской области в качестве не только художника-декоратора, но и артиста. Нередко выступления проходили в полевых условиях. «Больше двух дней не задерживаемся, сами идём пешком, а вещи — на лошади… — писал Васнецов семье. — Живём, как цыгане».

Своим чередом шла работа в книжной графике. Большой и во многом неожиданной удачей стал цикл иллюстраций к сборнику английских народных песенок в вольном переводе Маршака. Когда редакция Детгиза предложила Васнецову этот проект, друзья-художники то и дело шутили: «Англичане будут те же псковичане, только нарецие другое». Шутили небезосновательно: до тех пор Васнецов работал практически исключительно с русским фольклором, развивая традиции лубка. Чтобы достоверно показать архитектуру, костюмы, быт средневековой Англии, художник изучил массу изобразительных источников, в то время как природное чувство юмора помогло ему передать дух английской народной поэзии. С задачей Васнецов справился: книжка произвела фурор в Москве, особенно понравившись Маршаку. Помимо 16 полосных иллюстраций (смотрящихся самодостаточно, как произведения станковой живописи), художник сделал множество рисунков по тексту; он стремился использовать любое пространство, свободное от текста. Работа получилась интересной ещё и потому, что человечес-

ких образов в ней не меньше, чем животных — редкость для Васнецова.

«Английские народные песенки» вышли в начале 1944 года, и уже в феврале Юрий Алексеевич был назначен главным художником Научно-исследовательского института игрушки в Загорске (ныне — Сергиев Посад). Созданный в 1932 году, институт объединил усилия художников, технологов, медиков, психологов, педагогов по изучению игрушечных промыслов, разработке стандартов современных игрушек и их производству. Васнецов выполнял множество обязанностей: руководил исследовательской деятельностью, а также подготовкой и переподготовкой кадров; определял художественные ориентиры в работе экспериментальной лаборатории и проводил заседания Художественного совета; консультировал специалистов разных уровней, вплоть до отдельных мастеров. Кроме того, Васнецов непрестанно хлопотал об увеличении штата сотрудников и привлёк к исследованиям старого знакомого, Виталия Бианки. На своей должности он проработал до окончания войны.

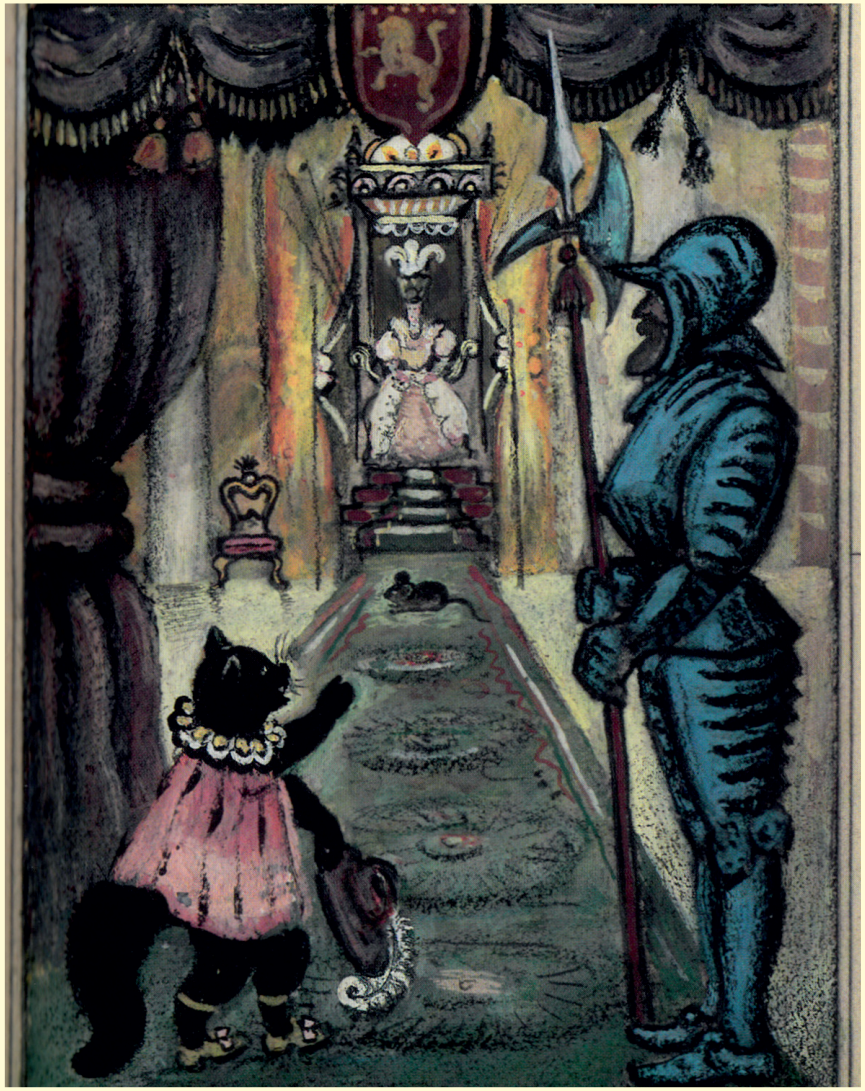
Параллельно Васнецов активно сотрудничал с Детгизом. В 1944–1945 годах с его рисунками вышли сказка «Колобок», сборник поговорок, загадок и песенок «Рассыпушки», ряд книжек-малышек («Колыбельные песенки», «Сорока-ворона», «Собака, кот, кошка и курочка», «Старушка» и другие), а также две книжки-игрушки, разработанные конструктором А. Глуховцевым, — «Ванька-встанька» (текст Самуила Маршака) и «Лошадка» (текст еврейского советского поэта Льва Квитко в переводе Маршака). Обращение Васнецова к последнему формату символично — увлечённый собиратель дымковской игрушки, выдающийся книжный график и один из руководителей НИИ игрушки просто не мог не попробовать.

Пермь. Конюх (1942-1943). Тушь, графитный карандаш, белила

Чапаев (1942). Рисунок для открытки

Английские народные песенки (1945)

Игрушка, сделанная Юрием Васнецовым. 60-е годы

ВЗЛЁТЫ И ПАДЕНИЯ

С окончанием войны Васнецовы вернулись в Ленинград. В 1946 году Юрию Алексеевичу было присвоено звание заслуженного деятеля искусств РСФСР, а в Лениздате вышел сборник «Русские сказки» — одна из наиболее оригинальных работ художника. Эту книгу Васнецов решил в новом для себя ключе. Вместо полосных иллюстраций каждая сказка была обрамлена заставкой, показывающей главное событие или центральных персонажей, и концовкой. Помимо рисунка, заставка включала декоративный заголовок, написанный собственным шрифтом. Работы отличало строгое цветовое решение: они были выполнены чёрной тушью и подкрашены только голубой акварелью. В 1978 году, уже после смерти Васнецова, эти иллюстрации были использованы в оформлении сборника «Мальчик-с-пальчик». Несколько рисунков, в том числе на обложке и титульном листе, сделала Елизавета Юрьевна Васнецова. Таким образом, отец и дочь выступили как соавторы.

В 1947 году Детгиз выпустил «Кошкин дом» — новую совместную работу Маршака и Васнецова, теперь уже на более привычном для художника поле. Впрочем, постановочный характер рисунков сохранился: Васнецов продумывал мизансцены и помещал их в декорации домашнего кукольного театра, скрупулёзно подбирая «реквизит». Видя эту книгу, нетрудно вновь пожалеть о том, что «Мещане» так и остались единственным опытом Васнецова в театре.

В 1948 году вышел сборник потешек «Небылицы в лицах». Некоторые рисунки оказались настолько самодостаточными, что впоследствии издавались отдельно, как настенные картинки для детей. Иллюстрации к потешкам «Я медведя поймал!..», «Стучит, бренчит по улице…», «Была репа важная…», «Бабушка Ненила…» стали хрестоматийными. При всей сказочно-поэтической условности, работы полны конкретных деталей и образов далёкого детства, воскресающих в памяти художника. Так, иллюстрируя потешку «Посылали молодицу…», Васнецов показал гору Кикимору в родной Вятке, с которой он, как и изображённые мальчишки, катался на санках.

Парадокс, но ни яркий колорит действительности, ни жизнеутверждающий посыл не спасли васнецовские произведения от шквала вульгарной критики, с новой силой обрушившейся на художника в эти самые годы. Не миновала Васнецова идиотская борьба с «формализмом» в советском искусстве. Обличители утверждали, например, что «уродливые» васнецовские звери пугают детей. Юрий Алексеевич, болезненно воспринимавший критику в принципе, был крайне угнетён этими нападками. Подобно своему ментору Лебедеву, отрёкшемуся от уникального стиля после ряда разгромных статей, он сделал попытку приспособиться. Вышли несколько книг, в процессе работы над которыми Васнецов силился дать более «реалистичные» изображения фольклорных героев и попутно встроить их в унылый пейзаж с натуры («Полон двор» 1950 года и другие). Несколько

переизданий выдержал сборник «Гуси-лебеди» (впервые увидел свет в 1937 году), где за Васнецова, упрощая его эскизы, рисовал «соавтор» — график средней руки Константин Кузнецов. Впрочем, вскоре стало очевидно, что наступить на горло собственной песне Васнецов не способен.

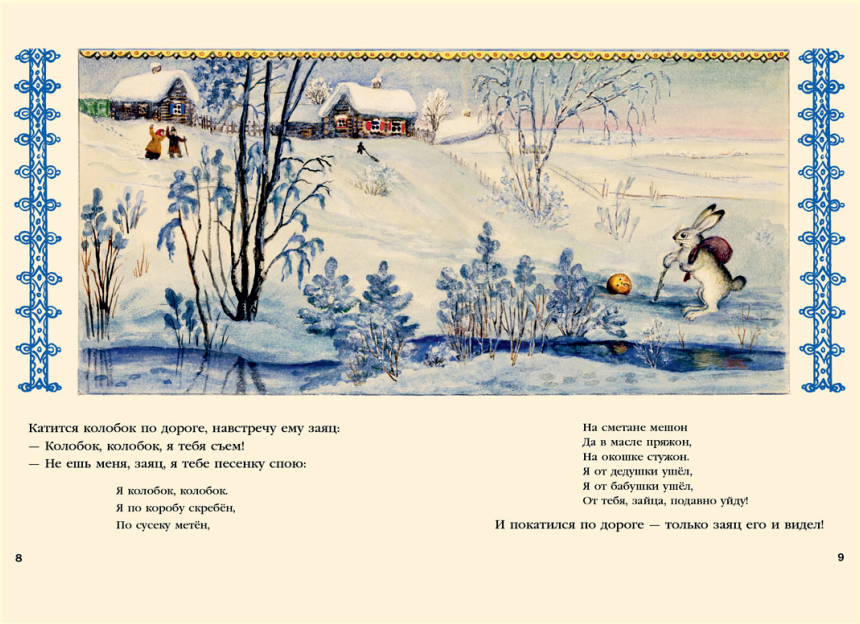
Решив для себя этот трудный вопрос, Юрий Алексеевич точно сбросил гору с плеч и немедленно взялся за покорение новых рубежей. В 50-е годы появился целый ряд книг, наследующих «Английским детским песенкам». Васнецов проиллюстрировал сказки различных народов: словацкую — «У солнышка в гостях», таджикскую — «Коза с кудрявыми ножками» (обе — 1953), украинскую — «Колосок» (1954), татарскую — «Шах-петух» (1957), а также сборник монгольских сказок «Непослушный козлёнок» (1955). Стоит ли говорить о том, что художник буквально пропадал в музеях и библиотеках, делая сотни зарисовок: пейзажи, дома, постройки, одежда, утварь, музыкальные инструменты, орнаменты — каждая мелочь была выверена.

Вообще, в 50-е годы вышло много книг с иллюстрациями Васнецова — как совсем новыми («Сорока-белобока», «Собака, кот, кошка и курочка»), так и переосмысленными («Три медведя», «Пятьдесят поросят»). Подчас Юрий Алексеевич находил очень неожиданные решения: «Вот рисовал я «Колобок». Ещё нигде не было, чтобы колобок путешествовал зимой. А я продумал: раз сказано, что колобок выкатился из сеней, а не из окошечка, — значит, зимой. Если бы было из окошечка, тогда летом». Иллюстрации к «Колобку», «Кошкиному дому», «Сороке-белобоке» и ряду других книг того времени смотрелись как полноценные живописные полотна. С другой стороны, станковая живопись Васнецова всё плотнее населялась сказочными персонажами — одна за другой появились «Филин», «Кот и курочка», «Жар-птица», «Зайчиха» и другие работы.

В 1956 году Васнецов впервые занялся росписью по фарфору. Он расписал четыре сервиза, состоящих из пяти предметов (на каждом сервизе был выполнен отдельный сюжетный цикл — «Теремок», «Сорока-белобока», «Зайкина избушка», «Колобок»), а также четыре мелкие тарелки («Теремок», «Котик», «Жар-птица», «Конёк-Горбунок») и блюдо «Чудо-юдо рыба-кит». Последнее неоднократно экспонировалось на зарубежных выставках.

Страница из книги «Небылицы в лицах» (1948)

Разворот из книги ''Колобок'' (1953, переиздание 2015)

Филин (1955). Бумага на фанере, масло

Чудо-юдо Рыба-кит (1959). Блюдо. Фарфор. Роспись надглазурная

ПРИЗНАНИЕ?

Всю жизнь Васнецов рвался из Ленинграда, чтобы вдоволь «помазать» без оглядки на сроки и обязательства. Вятка, Карелия, Крым, Эстония, Литва — где он только не проводил свои творческие отпуска. Наконец, в 1959 году Васнецовы купили дом в посёлке Рощино на Карельском перешейке, неподалёку от Ленинграда. Там они проводили каждое лето, и Юрий Алексеевич всецело посвящал себя живописи.

Внезапно условия труда улучшились и в городе. В 1961 году семье Васнецовых представилась возможность переехать в только что построенный Дом художников. Главный корпус дома целиком предназначался для обустройства личных мастерских, одну из которых и получил в распоряжение Юрий Алексеевич, а на первом этаже располагалась литографская мастерская.

К своему шестидесятилетию Юрий Васнецов подошёл как известнейший русский художник-иллюстратор. Книги с его рисунками издавались и переиздавались огромными тиражами. Отдельные иллюстрации и эстампы репродуцировались как открытки. Вплоть до последних лет жизни Васнецов получал многочисленные награды и премии: среди них серебряная и бронзовая медали Международной выставки искусства книги в Лейпциге, Почётный диплом имени Х.К. Андерсена Международного совета по детской и юношеской литературе (IBBY), Государственная премия СССР. В 1966 году Васнецов получил звание народного художника РСФСР.

В 1961 году в издательстве «Искусство» вышла монография Всеволода Петрова «Юрий Алексеевич Васнецов». Всеволод Николаевич долгие годы работал в Русском музее, знал многих выдающихся писателей и художников, дружил с Хармсом и Лебедевым, издал множество книг и статей по истории русского искусства. Монография закрепила восприятие Васнецова в качестве классика книжной графики, однако его живопись была упомянута практически вскользь, как побочное занятие.

Итак, художник Юрий Васнецов достиг видимого благополучия. Вот только книжная графика стала обузой. Иллюстрация всегда давалась ему тяжело, но в 60-е годы ситуация усугубилась. Переписка с редакцией издательства «Детская литература» свидетельствует о том, что Васнецов не выдерживал сроков, Самуил Алянский не раз ругал его за «халтуру». Парадокс, но самые успешные васнецовские книги, о которых по сей день вспоминают в первую очередь и охотнее всего переиздают — «Радуга-дуга» и «Ладушки» — с точки зрения искусства наименее интересны, так как являются полностью компилятивными. Для них художник просто переработал старые рисунки, подвергнув их декоративному упрощению (чего стоит только сплошная фоновая заливка тем или иным цветом). Новых идей больше не было.

Что касается живописи — она продолжала оставаться частным делом. Показательна история небольшой статьи Мая Митурича «В мастерской Юрия Васнецова». При всей своей погружённости в художественную среду и обилии общих

знакомых (вспомнить хотя бы двух столпов советской детской литературы — Маршака и Чуковского, произведения которых оба художника неоднократно иллюстрировали), до поры до времени Митурич понятия не имел о васнецовской живописи. Он предпринял попытку поделиться своим открытием с широкой публикой и написал статью для «Мурзилки». Материал был подвергнут множеству правок и переадресован в «Известия», где от него также отказались — редакцию интересовала только книга «Ладушки». Митурич предложил статью в «Литературную Россию» — там пообещали её опубликовать, но не сделали этого. Прошло более года, и наконец статья размером с небольшую рецензию вышла в «Детской литературе». Текст снабдили репродукциями такого отвратительного качества, что Митуричу пришлось написать письмо, полное стыда и досады: «Добрый Юрий Алексеевич! Я чувствую себя очень виноватым перед Вами, хотя и взялся за это дело от души. Ведь так мало кто знает Вашу живопись, и так её представить, как это сделали в журнале, — позор и преступление, а я невольно оказался сопричастным к этой промашке. Тем более спасибо за Ваше доброе письмо, иначе я и на глаза боялся бы к Вам появиться».

Критики наперебой хвалили Васнецова, но цену этим отзывам художник прекрасно знал: по отмашке сверху любого могли как вознести в общественном мнении, так и втоптать в грязь. Статья Митурича, затеянная в самые благоприятные «оттепельные» времена, послужила лакмусовой бумажкой. В живописи Васнецова не нуждались, поэтому он так и не организовал своей выставки.

Один за другим умирали близкие люди: в 1963 году — товарищ по «формалистскому» несчастью Владимир Конашевич, в 1965 — друг всей жизни Евгений Чарушин, в 1967 — наставник Владимир Лебедев. Возраст брал своё. Васнецов всё дольше хворал, всё чаще пребывал в мрачном настроении.

Юрий Алексеевич умер 3 мая 1973 года после тяжёлой болезни и был похоронен на Богословском кладбище в Ленинграде. Невзирая на неуклонно ухудшавшееся самочувствие, он продолжал работать до полной утраты трудоспособности. Творческая энергия питала его, и он не желал сдаваться смерти без боя. За год до кончины, отвечая на вопрос, какой подарок из полученных он считает самым дорогим, художник ответил: «Жизнь. Подаренная мне жизнь».

Дама с мышкой (1932-1934)

В МАСТЕРСКОЙ ЮРИЯ ВАСНЕЦОВА

Дама с белой мышкой. 1933

Петух с тросточкой. 1966

Я ОТНОШУСЬ К ТЕМ, кто с детства любит книжки Юрия Алексеевича Васнецова, но лишь недавно узнал, что прославленный график всю свою жизнь занимается и станковой живописью. Убедительность и красочность, которые так восхищают нас в его сказочных композициях,— результат внимательной работы с натурой. Пример Васнецова может служить назиданием для многих из нас, более молодых художников, отвернувшихся от мира и целиком уткнувшихся в книгу.

Живопись Васнецова интересна и вне связи с его иллюстрациями. Это сложная и серьезная живопись. Но я решаюсь, пусть поверхностно и неполно, рассказать об этой стороне его творчества, потому что без знания манеры Васнецова-живописца, по-моему, невозможно составить о нем полного представления как о художнике, работающем прежде всего в детской книге.

«...Я питаюсь природой. Я подчеркиваю ее, изменяю иногда мотив, но я не изобретаю всего в картине — напротив, я нахожу ее готовой, но требующей раскрытия». Эти слова Ван-Гога, на мой взгляд, могут быть отнесены к творческому методу и Юрия Васнецова. В самых простых мотивах он раскрывает бесконечную сложность цветовых и пространственных отношений реального мира. Своим талантом Васнецов реабилитирует даже презренные базарные поделки, и эти гадкие утята кустарной продукции становятся в его натюрмортах тем, чем они мечтали быть.

В ранних живописных полотнах Васнецова замечаешь его большую заботу о сюжетной занимательности. Вот девица взгромоздилась на лихого деревянного коня в ателье рыночного фотографа. У ног коня нечто вроде спасательного круга с надписью «Жди — приду». Чувствуется, что художник сам бы хотел посидеть на этом коне, а может быть, и сиживал на нем с превеликим удовольствием. Не выдумка и атлетического сложения дама с белой мышкой на плече. Юрий Алексеевич рассказывает, как поразила его эта женщина, торжественная и смешная. Такой воспринимаем ее и мы на портрете. Мягкий, добрый юмор

М. Митурич. В мастерской Юрия Васнецова. (Детская литература, 1967, №3). Начало статьи

Юрий Васнецов в Рощино. 1960-е годы

Ю.А. Васнецов и В.В. Лебедев. 1950-е годы

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Меня всегда привлекало умение человеческих рук сделать вещь. <…> Страшно любил труд всевозможный ручной, и слесарить, и столярить, паял даже. <…> Сёстрам дом сделал в саду. Модели самолётов делали, мастерили деревянный велосипед — колёса деревянные. <…> Любил книги переплетать. <…> У меня сначала самодельное всё было, сделал себе переплётный станок из стула. Папа увидел, что я стараюсь, подарил мне полный набор переплётного инструмента, станок, тиски. <…> Научился сапоги шить. Завёл себе колодки, инструмент сапожный и стал чинить у своих обувь. <…> Помню, первые подмётки так прибил, что еле оторвали. <…> В Академии товарищам обувь чинил. В совершенстве знал это дело.

<…>

Окаянная натура, — от неё никуда не уйдёшь. <…> Вот инженер, идёт полем — отдыхает. А ты идёшь на рыбалку, увидал какой-то цветок — и не выходит он из башки.

<…>

И каждый год я пишу, без живописи просто не существую. Чем я заинтересовываюсь в живописи? Только цветом. Увидал пятнышко, тогда буду рисовать. Иду только от цвета. И всегда стараюсь, чтобы цвет был материальным. Бывает сырая краска, а когда её переработаешь, так, чтобы даже чувствовался звук, тогда получаешь материальный цвет.

<…>

В каждом деле должна быть душа. Я страшно люблю книжку начинать. Люблю компоновать, искать, а вот заканчивать — пусть хоть другой за меня докончит. <…> Делаю только тогда, когда явится мысль.

Эскиз иллюстрации к книге «Радуга-дуга» (1968).
Стекло, акварель, белила

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ВАСНЕЦОВЕ

Елизавета Васнецова

Я с большим интересом, очень внимательно наблюдала за работой отца. Тихо стояла за его спиной и видела, как появлялись на бумаге цветы, птицы, веточки, ёлки, кусты, разные звери, зайчики, медведи, волки, коты, лисы. Он очень боялся мышей, но они у него всегда были такие симпатичные, и знал он их до мельчайших подробностей. Папа работал пером, кистью и даже черенком кисти, изображая различную фактуру — то шерсть медведя, волка, то травку, мох, то кору деревьев. Любил использовать цветные карандаши, даже простые детские восковые, литографский карандаш, свинцовый графический, бритву, разные резинки. Начинал работу с макета — решал, как построить книгу. Потом делал эскизы, и начиналась трудоёмкая энергичная работа над каждым рисунком, простым графитным карандашом, все на одном листе, бумага протиралась до дыр, чернела от бесконечного стирания резинкой — работа продолжалась до тех пор, пока, наконец, всё найденное его не удовлетворяло. И он брался уже за следующий эскиз. А над цветом он работал тоже интересно — пробовал цветовое решение на стекле, где можно было легко смыть, если ему не нравилось, и начать заново.

<…>

Всегда меня поражала в его работах необычайная материальность цвета… Каждый кусок холста играет по-своему. Он говорил мне: «Ударила раз цветом — больше не повторяй», — и для большей убедительности демонстрировал это ударами по столу.

<…>

Вспоминаю, как начиналась его работа над «Радугой-дугой». Очередной Новый год… Праздники кончились — убираем ёлочные игрушки… Блестящие, переливающиеся разными цветами стеклянные шары, разные фигурки, зверюшки. Смотря на это цветовое богатство, папа придумал решение книги в цвете. Начал с рисунка к потешке: «Сбил-сколотил — вот колесо, сел да поехал — ах, хорошо! Оглянулся назад — одни спицы лежат». Передо мной оригинал, и действительно, каждый цвет — красно-коричневая лошадь, оранжевая грива, розовые поросята, охристые крыши изб, ярко-зелёные деревья на густо-чёрном фоне елей — они горят так же, как ёлочные игрушки. И это решение сохраняется на каждой странице, на разных фонах по-своему.

<…>

Вечерами после Нового года, когда все уже укладывались спать, [отец] любил в тишине зажечь одну свечку на ёлке и, видимо, вспоминая свою жизнь, детство, долго сидел и смотрел, как играет огонь, отражается бесконечными сверкающими точками в стеклянных красных, зелёных, розовых, серебристых игрушках.

Юрий Васнецов с рисунками для книги «Радуга-дуга».Конец 1960-х

Валентин Курдов

В жизни Васнецов был на редкость диковинным человеком. Смолоду обладая весельем Фальстафа, он любил вкусно поесть. Сам приготавливал свои блюда и угощал гостя с усердием и настойчивостью русского хлебосола. Когда он звал к себе кого-либо, он заботливо предусматривал и вкус, и нрав гостя. В это время никто не мог войти в дом Васнецова, дабы не помешать сокровенному свиданию. Двери не открывались ни на звонки, ни на стук. Телефон, «душегубка», как его называл Васнецов, накрывался подушкой, иногда применялось даже затемнение и маскировка. Дети к столу не допускались. Только при этих условиях Васнецов чувствовал себя хорошо и свободно.

<…>

Незабываемые застолья происходили в доме непревзойдённого в гостеприимстве хозяина. Неожиданные эксцентрические номера всегда были потребностью неистощимого на выдумки Васнецова. Он мог в один вечер экспромтом изобразить танцующую балерину в пачке, сооружённой из газет, джентльмена в цилиндре и с тросточкой, турка в чалме, распевающего знаменитую шансонетку, говорить «по-китайски», показывать фокусы и т.д. Его артистизм, проявляющийся на вечеринках, приводил в неистовый восторг присутствовавших, и равных в этом жанре он не имел.

<…>

В общественной жизни Васнецов был великим молчальником, он не вымолвил на собраниях ни одного слова. Этим и снискал всеобщее желание выбирать его в органы правления Союза [художников]. Однако никакими силами нельзя было его заставить… Он так испуганно отказывался, что приходилось отступаться. Как-то раз он рассмешил весь зал собрания, когда отказывался от работы в бюро секции по семейным обстоятельствам, сказав: «У меня девочки», что послужило поводом для появления в стенгазете Союза карикатуры, где Васнецов был изображён кормящим грудью двух младенцев.

<…>

Робкий Васнецов никогда не участвовал в спорах. Он со страхом переживал всякую ссору, касающуюся даже не его лично. Не обладая бойцовскими качествами, он предусмотрительно покидал поле боя. В этом проявлялось его счастливое свойство не иметь врагов. Старая поговорка была близка натуре Васнецова: «Вятские ребята хватские, семеро одного не боятся, а один на один все котомки отдадим».

<…>

В обстановке суровой критики, страшась лишиться работы, Васнецов шёл на вынужденный компромисс. Примером тому служит отказ от первых вариантов рисунков к сказкам «Три медведя» Л.Н. Толстого и «Конёк-горбунок» П.П. Ершова. Та же судьба постигла «Теремок» С.Я. Маршака.

<…>

Я с ранней поры был поклонником его искусства, лишённого надуманности, отвлечённой фантазии, а главное, чуждой его натуре стилизации. Тем горше мне было замечать появление в поздних работах контурных обводок, элементов стилизованного украшательства из арсенала вышивания. К сожалению, эта тенденция широко распространилась.

<…>

Интерес Васнецова к смежным искусствам сводился к немногому. Он мало читал, стихов не знал, не ходил в оперу и не посещал симфонических концертов. <…> Когда Юра читал вслух, то произносил слова, как напечатано в книге… что не мешало ему быть автором интересных писем, которые великолепно написаны тонким и умным художником, где он оценивал явления, доступные не всем образованным и «начитанным» людям.

Семья Васнецовых. 1940-е годы

Василий Власов

Его инстинкт помог ему очень быстро освободиться от академизма и от ограниченности начётнического новаторства. Он предпочёл бороться за своё понимание искусства не участием в дискуссиях, а в занятии своей живописью в одиночку. Он презирал прорицателей и пророков среди художников, и законы, которым он следовал, не имели ничего общего с многочисленными бытовавшими вокруг модными теориями.

<…>

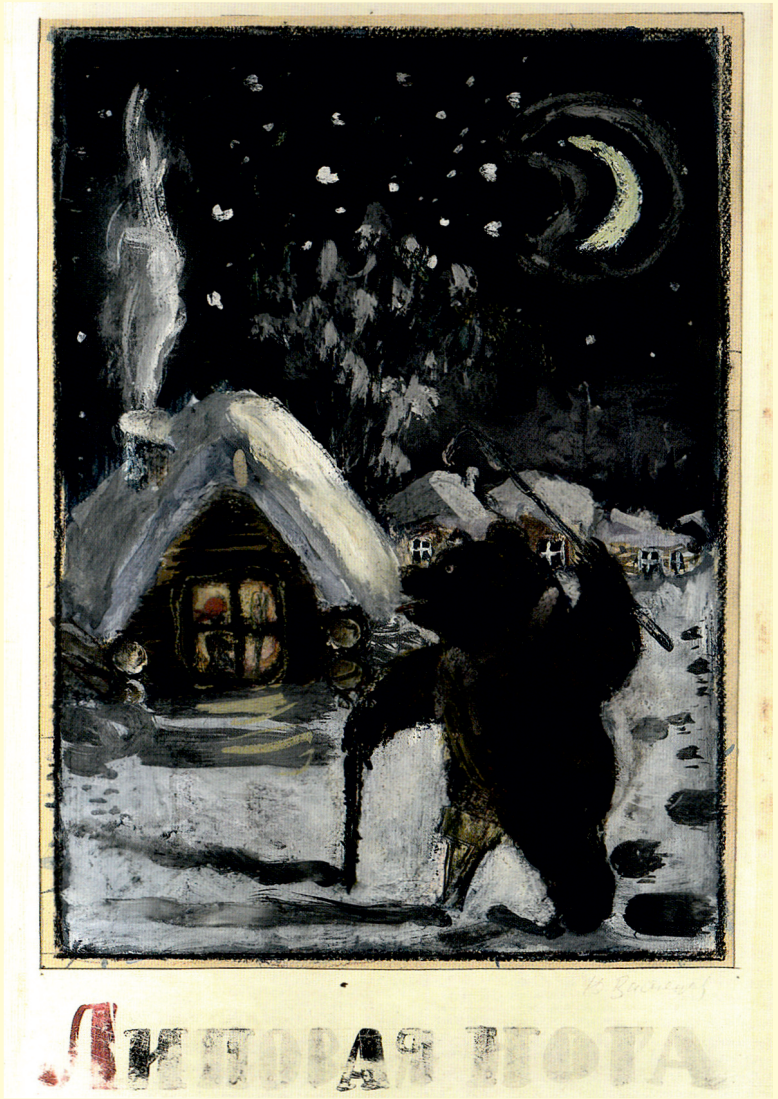
Занимаясь графикой с полной отдачей, Юра к концу работы буквально над каждой книгой начинал жаловаться на усталость, и окончание работы нередко было для него освобождением от тяжкой обузы. Конечно, ничего подобного не происходило, когда он брался за живопись. <…> [Но] считать книжную графику… всего лишь отходами его живописи было бы столь же неверно, как считать живопись некоей сырьевой базой для графики.

<…>

Он был предан искусству и необычайно требователен как к другим, так и к себе. Когда он оставлял ту или иную работу, он всегда говорил, что ещё вернётся к ней. И обычно так и поступал, нередко спустя очень значительное время. Эту работу над уже сделанными вещами он очень любил. Ему доставляло большое наслаждение делать картину совершеннее, освобождать её от тех недостатков, которые он обнаруживал. Его трудолюбие и трудоспособность были невероятны.

<…>

Мне думается, что бесконечные переписывания холстов возникали не от сомнений и неуверенности, а от обилия идей, не умещавшихся на одном холсте. Иногда ради скорейшего осуществления возникшей мысли он брал чуть ли не первый попавшийся, заброшенный, облупившийся холст и начинал его полностью переписывать, не меняя старой композиционной и сюжетной основы, но по существу делая совершенно новую вещь. Бывали случаи, когда он вещи портил. Новые идеи не соединялись с уже закреплёнными на холсте, исчезали отличные куски под вновь написанными менее удачными. Но Юра этого не боялся. Он любил свои состоявшиеся работы, но, может быть, ещё больше любил сам процесс работы.

Эскиз иллюстрации к невышедшей книге «Азбука» (1947).
Бумага, цветной карандаш, темпера

Леонид Зусман

Надо сказать, что Васнецов не принадлежал к «ловкачам»; эффектным, мастерским рисовальщиком его никак нельзя было назвать. Его техника была довольно ограничена, но она оказалась вполне достаточной для выражения поставленных целей. Сила и очарование его искусства заключались в образном строе, в цветовом богатстве его вещей.

<…>

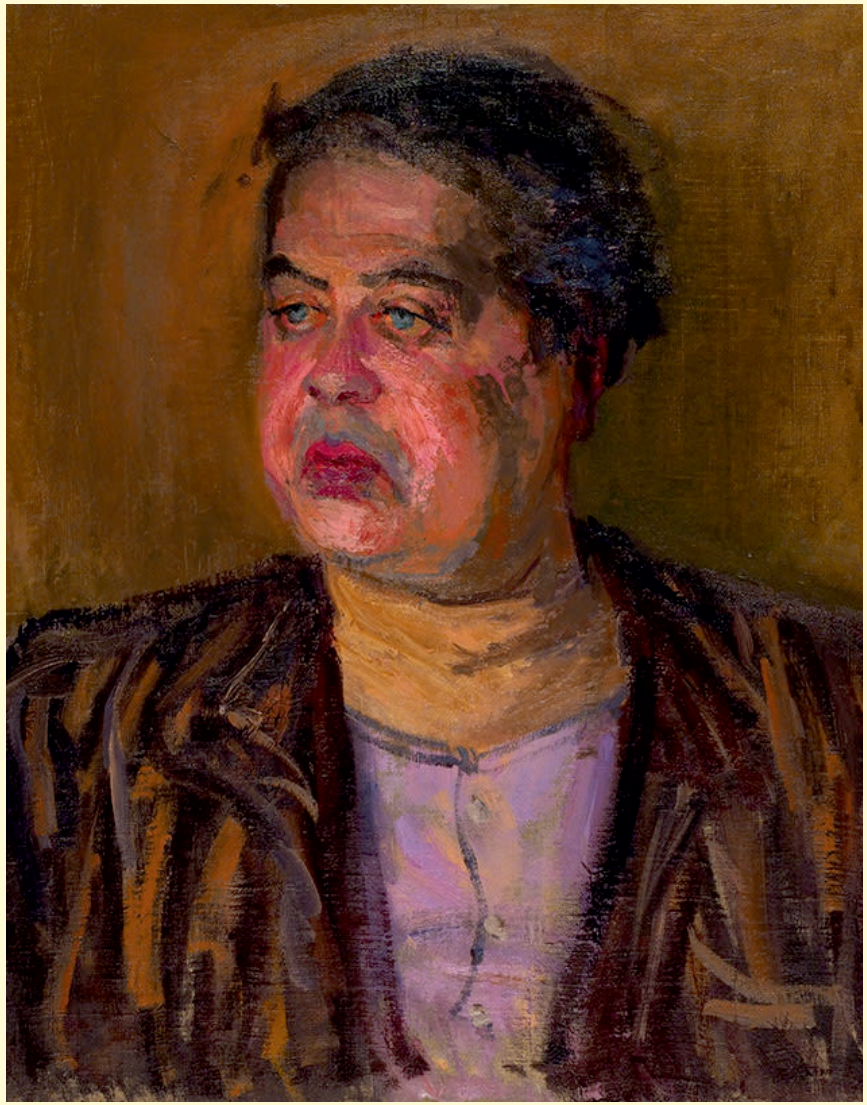
Он принадлежал к тем художникам, творчество которых надо принимать целиком, и никакие советы и поправки пользы не приносили. Или же всё сразу отвергать.

<…>

…Что же составляет главную прелесть его таланта? Это простая, чистая любовь к искусству, без всяких умствований, теоретических рассуждений, самооценок и рефлексий. Он любил искусство так, как ребёнок любит мать, как любят нечто необходимое, естественное, без чего невозможно само существование. Цельность и органичность и, я бы сказал, «прекрасная бездумность» и были, может быть, главной прелестью его таланта.

<…>

Когда я думаю, как можно охарактеризовать личность Васнецова, столь необычную, даже удивительную, то нахожу один ответ: главное в ней — сочетание абсолютно не замутнённой детской души с мудростью и опытом старика. Детскость свою Юрий Алексеевич пронёс через все пороги жизни, и она, ни на йоту не растраченная, и была ценнейшим и главным содержанием его личности.

Л.П. Зусман. Портрет художника Юрия Васнецова

КНИГИ С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ ЮРИЯ ВАСНЕЦОВА

ЛУЧШИЕ ПРИЖИЗНЕННЫЕ ИЗДАНИЯ

1. Хармс Д. И. О том, как папа застрелил мне хорька / Д. И. Хармс. – Москва : ГИЗ, 1930. – 12 с.
2. Бианки В. В. Болото / В. В. Бианки. – Москва : ОГИЗ – Молодая гвардия, 1931. – 12 с.
3. Чуковский К. И. Путаница / К. И. Чуковский. – Ленинград : ОГИЗ, Ленинградское отделение, 1934. – [10] с.
4. Мамин-Сибиряк Д. Н. Алёнушкины сказки / Д. Н. Мамин-Сибиряк. – Свердловск : Свердлгиз, 1935. – 56 с.
5. Толстой Л. Н. Три медведя / Л. Н. Толстой. – Ленинград : ОГИЗ, 1935. – 12 с.
6. Ершов П. П. Конёк-Горбунок / П. П. Ершов. – Москва ; Ленинград : Детиздат ЦК ВЛКСМ, 1941. – 98 с.
7. Маршак С. Я. Теремок / С. Я. Маршак. – [Ленинград] : Детиздат ЦК ВЛКСМ, 1941. – 32 с.
8. Ванька-встанька : книжка-игрушка / стихи С. Маршака ; рисунки Ю. Васнецова, конструкция А. Глуховцева. – Москва : Детгиз, 1944. – 10 с.
9. Квитко Л. М. Лошадка : книжка-игрушка / Л. М. Квитко ; пер. С. Маршака. – Москва : Детгиз, 1944. – 8 с.
10. Маршак С. Я. Английские народные песенки / С. Я. Маршак. – [Москва ; Ленинград] : Детгиз, 1945. – 32 с.
11. Маршак С. Я. Кошкин дом / С. Я. Маршак. – Москва ; Ленинград : Детгиз, 1947. – 44 с.
12. Русские сказки / обраб. М. Булатова. – Москва ; Ленинград : Детгиз, 1947. – 32 с.
13. Чудодейное колечко : русские сказки / пересказала А. Любарская. – Ленинград : Лениздат, 1947. – 104 с.
14. Кот-воркот. – Москва ; Ленинград : Детгиз, 1948. – 13, [2] с.
15. Кот, петух и лиса / обраб. М. Булатова. – [Москва ; Ленинград] : Детгиз, 1948. – 12 с.
16. Небылицы в лицах / составила А. Кудряшова. – [Москва ; Ленинград] : Детгиз, 1948. – 20 с.
17. Колобок. – Москва ; Ленинград : Детгиз, 1953. – 12 с.
18. Маршак С. Я. Кошкин дом / С. Я. Маршак. – Москва : Детгиз, 1954. – 48 с.
19. Пятьдесят поросят : детские народные песенки / собрал К. И. Чуковский. – Москва : Детгиз, 1957. – 32 с.
20. Сорока-белобока. – Москва : Детгиз, 1957. – 12 с.
21. Шах-петух : татарская народная сказка / пересказал в стихах И. Нехода, перевёл с украинского А. Прокофьев. – Ленинград : Детгиз, 1957. – 12 с.
22. Чуковский К. И. Краденое солнце / К. И. Чуковский. – Москва : Детгиз, 1958. – 16 с.
23. Собака, кот, кошка и курочка. – Ленинград : Детгиз, 1959. – 8 с.

24. Гусли-самогуды : народные песенки и потешки / собрала Н. Колпакова. – Ленинград : Детгиз, 1961. – 13 с.
25. Лиса и заяц / в пересказе В. И. Даля. – Москва : Детгиз, 1961. – 16 с.
26. Русские сказки. – Ленинград : Детгиз, 1961. – 70 с.
27. Ерши-малыши : народные песенки и потешки / собрала и обработала Н. Колпакова. – Ленинград : Детская литература, 1964. – 12 с.
28. Ладушки : русские народные сказки, песенки, потешки. – Москва : Детская литература, 1964. – 80 с.
29. Радуга-дуга : русские народные песенки, потешки, прибаутки. – Москва : Детская литература, 1969. – 80 с.
30. У нас-то какие дела / текст песенок Н. П. Колпаковой. – [Ленинград] : Детская литература, 1973. – 12 с.

ЛУЧШИЕ СОВРЕМЕННЫЕ ИЗДАНИЯ

1. Болтали две сороки : русские народные сказки, песенки, потешки. – Санкт-Петербург : Детгиз, 2014. – 124, [3] с.
2. Ладушки : русские народные сказки, песенки, потешки / в обраб. О. Капицы, К. Чуковского, И. Карнауховой, [и др.] – Санкт-Петербург ; Москва : Речь, 2021. – 80 с.
3. Радуга-дуга : русские народные песенки, потешки, прибаутки / в обраб. О. Капицы, И. Карнауховой, К. Чуковского, [и др.] – Санкт-Петербург ; Москва : Речь, 2020. – 80 с.
4. Русские народные сказки / в обраб. А. Толстого, О. Капицы, М. Булатова, В. Даля, И. Карнауховой. – Санкт-Петербург ; Москва : Речь, 2020. – 110, [1] с.
5. Русские сказки / в обраб. Т. Г. Габбе, А. Н. Толстого, А. И. Любарской. – Санкт-Петербург : ДЕТГИЗ, 2008. – 127 с.
6. Стихи, сказки в рисунках Ю. Васнецова. – Москва : АСТ, 2017. – 190, [1] с. – (100 лучших художников — детям). - На тит. л. содерж. авт.: С. Маршак, К. Чуковский, А. Толстой, В. Бианки.
7. Чудо-радуга. – Москва : Лабиринт-пресс, 2020. – 144 с.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блинов В. Ю. Русская детская книжка-картинка, 1900-1941 / В. Ю. Блинов. – Москва : Искусство XXI век, 2005. – 223, [3] с.
2. Васнецов Ю. Как я работаю / Ю. Васнецов // Художники детской книги о себе и своём искусстве. – Москва : Книга, 1987. – С. 33–44.
3. Васнецов Ю. Моя Вятка / Ю. Васнецов // Пионер. – 1972. – № 5. – С. 74–77.
4. Васнецова Е. Ю. Моя жизнь, моё вдохновение / Е. Ю. Васнецова. – Псков : Псковская областная типография, 2012. – 200, [3] с.
5. Виноградов О., Фоминых Р. О предках братьев Васнецовых / О. Виноградов, Р. Фоминых // Вятка : краеведческий сборник. – Киров, 1981. – С. 91–98.
6. Власов В. А. [Ю. Васнецов] / В. А. Власов // Панорама искусств : научно-популярный сборник. Т. 6. – Москва : Советский художник, 1983. – С. 263–279.
7. Девишев А. [Алёнушкины сказки] / А. Девишев // Детская литература. – 1935. – № 7. – С. 31–32.
8. Зусман Л. Слово о друге. Из воспоминаний о Ю. А. Васнецове / Л. Зусман // Детская литература. – 1978. – № 12. – С. 70–73.
9. Известный Юрий Васнецов : материалы к биографии великого художника / под общ. ред. Е. Ю. Васнецовой. – Псков : Псковская областная типография, 2012. – 477, [2] с.
10. Клепикова Е. Где это видано, где это слыхано? / Е. Клепикова // Детская литература. – 1966. – № 5. – С. 28–31.
11. Клепикова Е. Несостоявшееся интервью / Е. Клепикова // Детская литература. – 1968. – № 4. – С. 61–63.
12. Кузнецов Э. Д. Медведь летит, хвостом вертит : рассказы о художнике Юрии Васнецове / Э. Д. Кузнецов. – Санкт-Петербург : ДЕТГИЗ, 2007. – 239 с.
13. Курдов В. И. Академия художеств, учителя и ученики / В. И. Курдов // Аврора, 1977. – № 9. – С. 63–65.
14. Курдов В. И. Памятные дни и годы : записки художника / В. И. Курдов. – Санкт-Петербург : Арсис, 1994. – 238, [1] с.
15. Митурич М. В мастерской Юрия Васнецова / М. Митурич // Детская литература. – 1967. – № 3. – С. 36–37.
16. Неизвестный Юрий Васнецов : материалы к биографии великого художника / [под общ. ред. Е. Ю. Васнецовой]. – Москва : Красный пароход, 2011. – 447, [2] с.
17. Овчинникова С. Художник-сказочник / С. Овчинникова // Дошкольное воспитание, 1972. – № 6. – С. 55–62.
18. Петинова Е. Ф. Юрий Алексеевич Васнецов. Жизнь и творчество, 1900–1973 : [иллюстрированная монография] / Е. Ф. Петинова. – Псков : Псков-Полиграф ; Санкт-Петербург : [Б. и.], 2014. – 350, [1] с.
19. Петров В. Н. Владимир Васильевич Лебедев 1891–1967 / В. Н. Петров. – Ленинград : Художник РСФСР, 1972. – 303 с.
20. Петров В. Н. Юрий Алексеевич Васнецов / В. Н. Петров. – Ленинград ; Москва : Искусство, 1961. – 95, [6] с.
21. Против формализма и штампа в иллюстрациях к детской

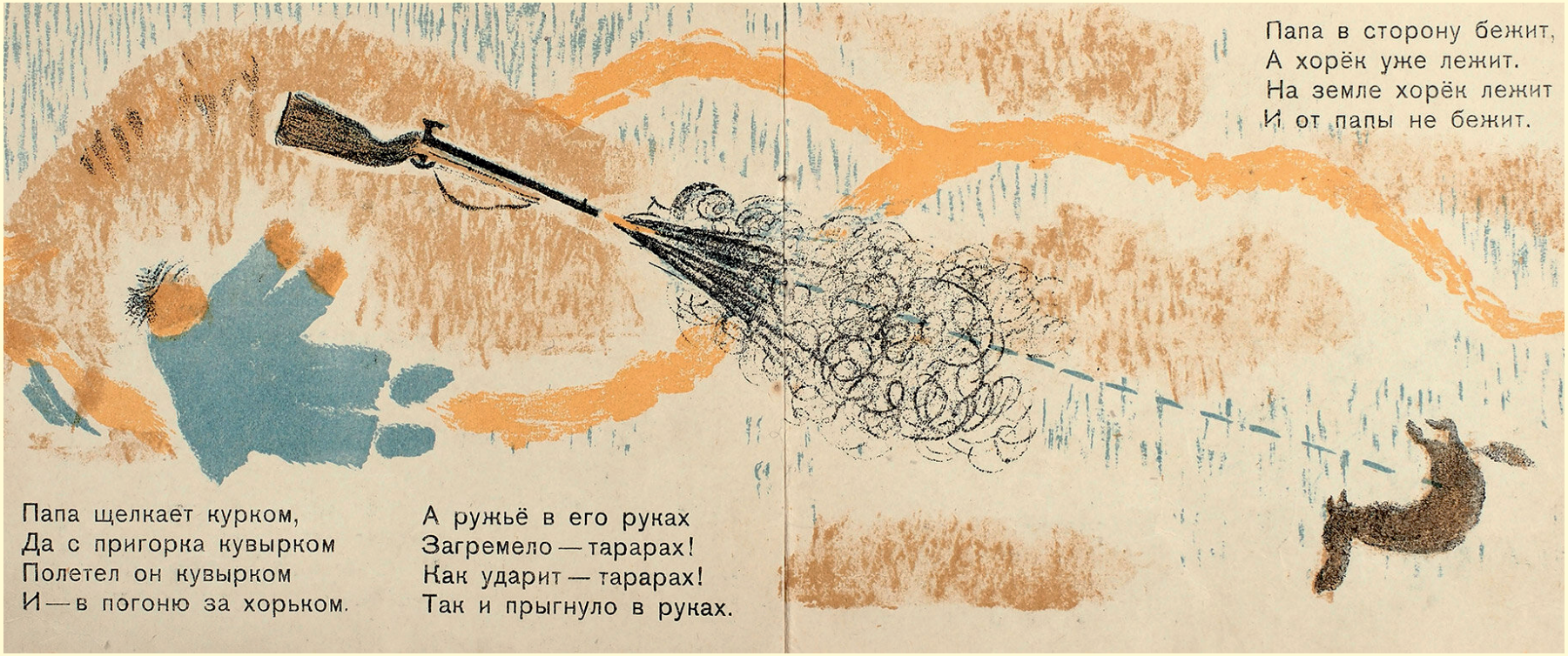
книге // Детская литература. – 1936. – № 3–4. – С. 45.
22. Семёнов Б. Ф. Неповторимый Васнецов : [о встречах с художником Юрием Васнецовым] / Б. Ф. Семёнов // Детская литература, 1986. – № 7. – С. 56–59.
23. Удивительный Юрий Васнецов : материалы к биографии великого художника / под общей редакцией Е. Ю. Васнецовой. – Псков [и др.] : Псковская областная типография, 2013. – 429, [2] с.
24. Холодовская И. «Конёк-Горбунок» / И. Холодовская // Детская литература. – 1936. – № 7. – С. 16–18.

В. Бианки. Карабаш (1929)

Д. Хармс. О том, как папа застрелил мне хорька (1930)

Папа щелкает курком,
Да с пригорка кувырком
Полетел он кувырком
И — в погоню за хорьком.
А ружьё в его руках
Загремело — тарарах!
Как ударит — тарарах!
Так и прыгнуло в руках.
Папа в сторону бежит,
А хорёк уже лежит.
На земле хорёк лежит
И от папы не бежит.

Обложка неосуществлённого издания (1932)

В. Бианки. Болото (1931)

К. Чуковский. Путаница (1934)

Обложка неосуществлённого издания (1933)

Алёнушкины сказки (1935)

Д. Мамин-Сибиряк. Алёнушкины сказки (1935)

Л. Толстой. Три медведя (1935)

П. Ершов. Конёк-Горбунок (1936)

С. Маршак. Ванька-встанька (1944)

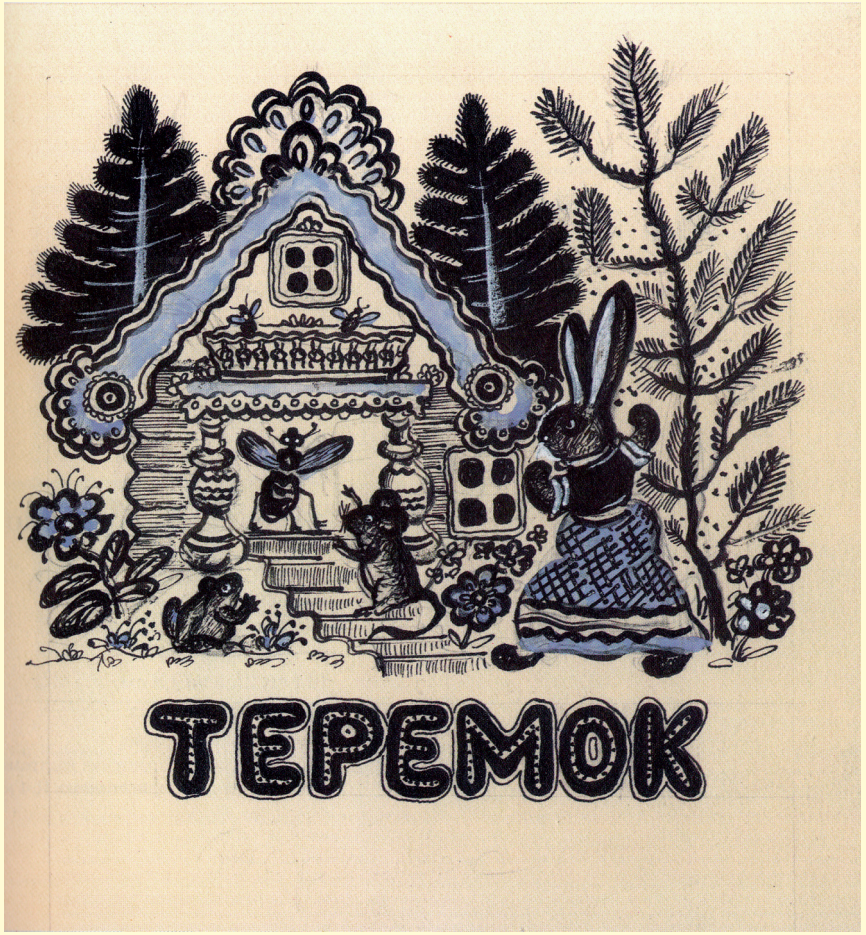

Л. Квитко. Лошадка (1944)

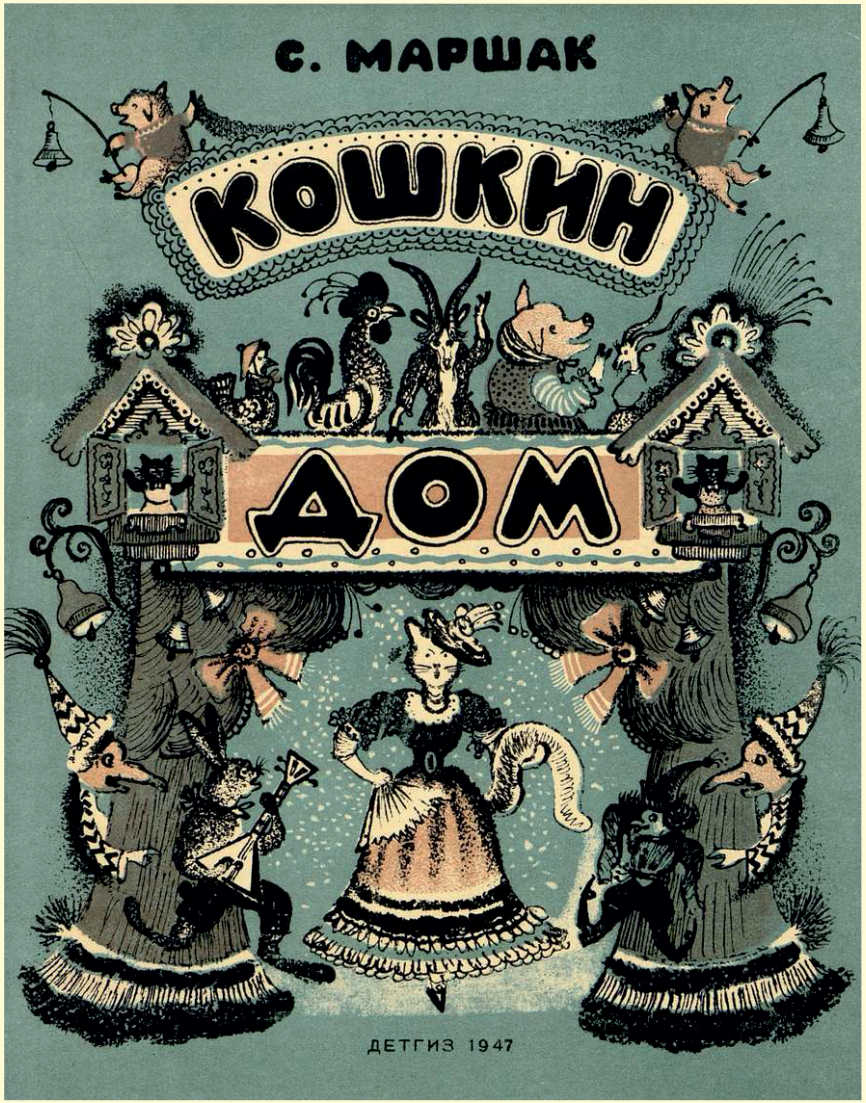

Чудодейное колечко (1947)

Русские сказки (1947)

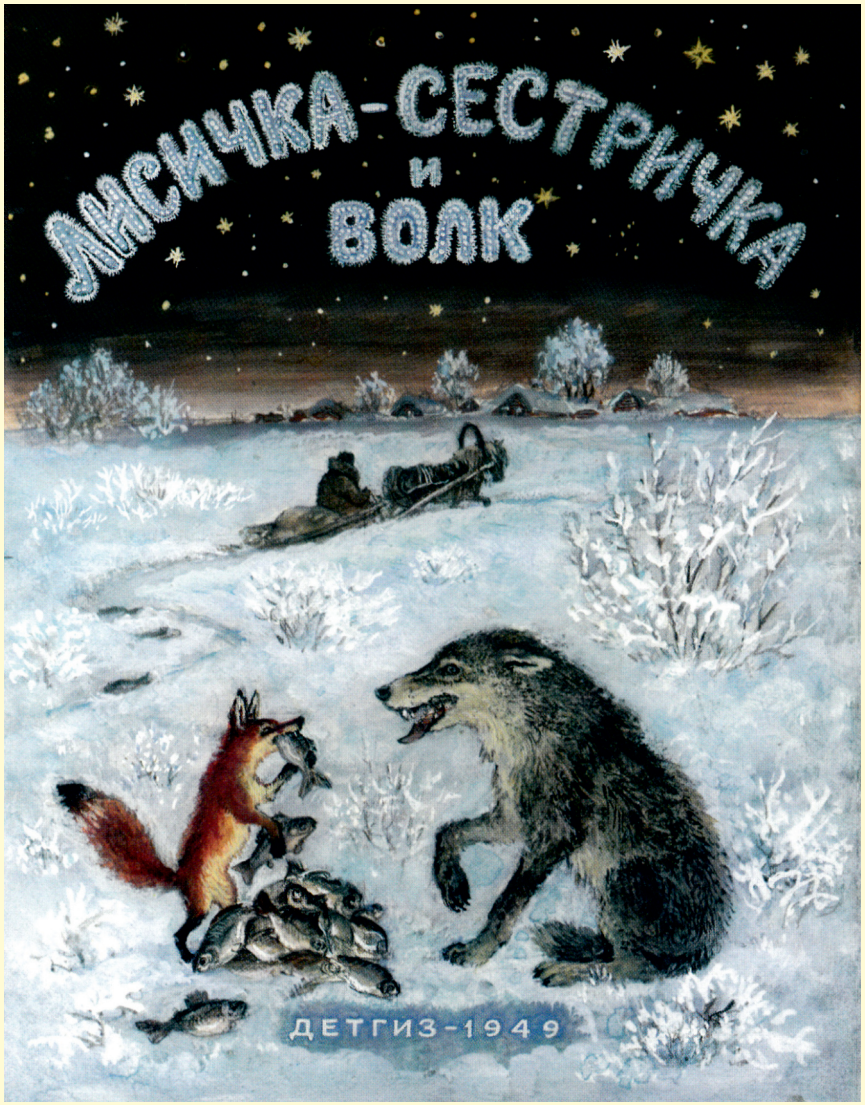
С. Маршак. Кошкин дом (1947)

Ладушки (1948)

Небылицы в лицах (1948)

Лисичка-сестричка и волк (1949)

Кошкин дом (1954)

Сорока-белобока (1957)

Шах-петух (1957)

Краденое солнце (1958)

Собака, кот, кошка и курочка (1959)

Гусли-самогуды (1961)

Ладушки (1963)

Ерши-малыши (1964)

Радуга-дуга (1969)

Содержание:

Вятчанин 3
Вечный студент 7
Под крылом Лебедева 11
Формирование стиля 15
Под огнём критики 19
Мастер на все руки 23
Военные годы 27
Взлёты и падения 31
Признание 35
Прямая речь 39
Из воспоминаний о Васнецове 41
Книги с иллюстрациями 49
Лучшие современные издания 51
Список используемой литературы 52

